

A 243
1645

243
A 1645

243
A 105

Собр.
6385.

ЦѢНА 25 КОП.

БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

НАРОДНЫЯ ЧТЕНІЯ.

Изданія учрежденной по Высочайшему повелѣнію г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія Постоянной Коммисіи по устройству народныхъ чтеній и состоящаго при ней Издательскаго Общества.

- 1) Уничженіе на землѣ Господа нашего Іисуса Христа. Съ раскр. изобр. Ц. 8 к.
- 2) Жизнь Божіей Матери. Свящ. М. Соколова. Съ изобр. Богородицы. Изд. пятое. Ц. 10 к.
- 3) О Богослуженіи Православной церкви. Свящ. М. Соколова. Изд. 3-е. Ц. 10 к.
- 4) Великій постъ. Чтеніе священника М. Соколова. Изд. второе. Цѣна 10 коп.
- 5) Церковь Христова со временъ апостоловъ. Свящ. Опатовича и А. Кочетова. Съ двумя изображеніями. Ц. 20 коп.
- 6) Жизнь Святаго Николая Чудотворца. Свящ. М. Соколова. Съ изобр. Святителя. Изд. 3-е. Ц. 8 к.
- 7) Св. Стефанъ Пермскій. Т. Толычевой. Съ изображ. Святителя. Цѣна 10 к.
- 8) Житіе преподобнаго отца нашего Ксенофонта, супруги его Маріи и двухъ сыновей его Іоанна и Аркадія. Съ изображеніемъ преподобныхъ. Евг. Туръ. Ц. 10 к.
- 9) Богомольцы у святынь Кіева. Лавра. И. и В. Хрущовыхъ. Съ хромолит. изобр. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
- 10) Богомольцы у святынь Кіева Старый Кіевъ. И. Хрущова. Съ хромолит. изображен. Изд. 2-е. Ц. 10 к.
- 11) Русскіе Богомольцы въ Святой землѣ. Чтеніе первое. Съ картою. Ц. 10 к.
- 12) Соловецкій монастырь. С. Максимова. 3-е изд. Съ карт. Ц. 12 к.
- 13) Свято-Троицкая Сергіева Лавра И. И. Петрова. Съ тремя картинками. Ц. 15 к.
- 14) Начало христіанства на Руси. Ст. 3-мя карт. Ц. 15 к.
- 15) Сыновья Св. Владиміра. Св. Борисъ и Гдѣль, Ярославъ. Ст. хромолит. рисункомъ. Ц. 10 к.
- 16) Владиміръ Мономахъ и его завѣщаніе. И. Хрущова. Съ 3 раскр. карт. 2-е изд. Ц. 15 к.
- 17) Нашествіе Татаръ и князь Михаилъ Тверской. Съ рисункомъ. Ц. 10 к.
- 18) Св. Благовѣрный Великій князь Александръ Невскій. Съ изображеніемъ. Ц. 10 к.

См. стр. 3 обертки.

СА
15194

243
705
A 243
1645
р 1-73
12259

КАВКАЗЪ

Сав.
6385.

и

ЗАКАВКАЗЬЕ.

Съ картою Кавказа.

В. Желиховской.

На средства Издательскаго Общества, при учрежденной,
по Высочайшему повелѣнью, Министеромъ Народнаго
Провѣщенія Постоянной Комисіи по устройству народ-
ныхъ чтеній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1885.

С. А.
8382.

6488-45

2007112157

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 5 Іюня 1885 г.

Типографія д-ра М. А. Хана, Ковенскій пер. д. № 14.

Кавказъ и Закавказье.

I.

Общій очеркъ Кавказскаго края.

Какой русскій человѣкъ не слыхалъ отъ своихъ отцевъ или братьевъ разказовъ объ той дальней сторонѣ, которая зовется вообще «Кавказомъ» и гдѣ пролилось столько русской крови? Здѣсь, кажется, клочка земли не осталось такого, на которомъ русскій солдатъ не свершилъ бы подвига, не легъ бы костью во славу Царя и Россіи, за своихъ братьевъ-единовѣрцевъ, за православныхъ грузинъ? Всѣ навѣрное слыхивали о кавказской кровопролитной, шестидесятилѣтней войнѣ. Всего 26 лѣтъ тому назадъ закончилась наша борьба съ горцами-мусульманами.

Въ 1859 году сдался въ плѣнъ Шамиль,— послѣдній имамъ, т. е. духовный и свѣтскій владыка, какъ бы царь и вмѣстѣ патріархъ. Послѣ этого горцы покорились, но подумать страшно,

сколько для покоренія этихъ дикарей понадобилось положить русскихъ жизней, денегъ и трудовъ!

Живописна вся эта сторона и щедро надѣлена отъ Бога!.. Растительность по мѣстамъ такая, что въ иную пору лошадь и съ сѣдокомъ прячется въ ней; а въ лѣсахъ стоятъ такія деревья-великаны, что инаго четвернымъ не обхватить. Въ землѣ, въ ущельяхъ и горахъ таится много разнаго богатства: и руды всякой. и цѣлительныхъ водъ. Только тѣмъ этотъ гористый край не хорошъ, что трудно въ немъ прокладывать дороги. Да и справиться съ горцами-головорѣзами тоже не легко было. Они,—что кошки умѣютъ цѣпляться по своимъ родимымъ скаламъ; а русскому человѣку, привычному къ ровнымъ мѣстамъ, трудно-вато приходилось воевать по такимъ трущобамъ, гдѣ не было мѣста развернуться удали! Горцы бывало, какъ дикія козы, засядутъ по вершинамъ своихъ горъ да оттуда изъ за камней да скалъ и подстрѣливаютъ солдатиковъ. Наши молодцы и рады были бы сдачи дать, да промежь лѣсу и камней никого невидать... Потому-то кавказская война и была такая трудная и упорная, что одинъ горецъ, ловко засѣвъ за скалой, могъ сверху перебить много людей, безъ всякой для себя опасности.

Еще въ царствованіе Великой Государыни Екатерины, а позже при Императорѣ Александрѣ I,

въ 1802 г., народъ Грузинскій, истомленный войной съ магометанами, — съ Персіянами, Турками и, ближайшими своими лютыми врагами, Татарами, обращался за военной помощью къ единовѣрной ему Россіи. Послѣ 1795 г., когда Персіяне въ послѣдній разъ раззорили столицу Грузіи, Тифлисъ, Императрица Екатерина II послала графа Гудовича на выручку тогдашняго царя Ираклія, который просилъ принять въ свое подданство бѣдную Грузію, измученную тысячелѣтней борьбой за вѣру православную. Когда позже Императоръ Павелъ Петровичъ повелѣлъ войскамъ выйти изъ Грузіи, въ ней самой поднялись такіе безпорядки и междуусобныя битвы между владѣтелями разныхъ княжествъ, загорѣлась такая кровопролитная война съ Турками, что царю Георгію XII снова пришлось молить о помощи. Съ той поры Русскіе уже не оставляли Грузіи.

Не завоевывать край, не обогащаться достояніемъ его народа пришли мы въ Закавказье, а сражаться за вѣру истинную, спасти единовѣрную страну отъ раззоренія и гибели, дать ей миръ и благоденствіе. Свершивъ это цѣною русской крови и русскихъ средствъ, щедро излившихся на Грузію въ продолженіи чуть ли не цѣлаго вѣка, мы сами слились съ ея жителями,

какъ братья, какъ дѣти Единаго Царя, и зажили нынѣ одной общей, русской жизнью.

Съ этимъ-то живописнымъ, нынѣ роднымъ намъ, уголкомъ нашего обширнаго отечества, намѣрены мы теперь познакомить тѣхъ русскихъ людей, которые его не знаютъ.

Кавказскій край лежитъ на крайнемъ югѣ Россіи, между морями Чернымъ и Каспійскимъ, тамъ, гдѣ кончается Европа, и начинается другая часть свѣта—Азія.

Три пути изъ Россіи ведутъ къ нему. Одинъ— по морю Каспійскому, изъ Астрахани въ Дербентъ или въ Петровскъ, кому нужно въ горы или на сѣверный Кавказъ. Кому надо въ Грузію или Арменію, тому лучше плыть до города Баку, а оттуда пойдетъ уже желѣзная дорога въ Тифлисъ и къ Черному морю. Другой путь изъ любого Черноморскаго порта: изъ Одессы, Севастополя или съ Крымскихъ береговъ въ Поти или Батумъ; а оттуда опять желѣзная дорога въ Тифлисъ черезъ Имеретію, а почтовые по всему Закавказью.

Закавказьемъ называются тѣ земли, что лежатъ по южнымъ склонамъ горъ главнаго Кавказскаго хребта, который отдѣляетъ европейскую Россію отъ южно-азіатскихъ ея владѣній. Эта цѣпь лѣсистыхъ, дѣлкихъ вершинъ, подоб-

лачныхъ скалъ и снѣжныхъ горъ, такихъ высокихъ, что ледъ никогда на нихъ не таетъ, протянулась, словно щетинистый поясъ, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, вкось, отъ Чернаго моря къ Каспійскому.

Главные снѣжныя вершины въ кавказской цѣпи Казбекъ и Эльборусъ. Эльборусъ западнѣе, ближе къ Россіи, Казбекъ-же восточнѣе и у самаго его подножья проходить третій сухопутный путь изъ Россіи за Кавказъ, — Военно-грузинская дорога.

Прежде, когда Кавказъ не былъ еще покоренъ и въ горахъ шла война, черезъ нихъ нельзя было въ иныхъ мѣстахъ иначе переѣхать, какъ верхомъ, по скользкимъ тропкамъ на краю пропасти, да по гребнямъ скалъ, между которыми kloкочуть горные потоки и реветъ главный изъ нихъ Терекъ, то и дѣло заливая дорогу и шумя водопадами. Теперь тамъ прекрасная, шоссейная дорога отъ Тифлиса до Владикавказа, а оттуда рельсовый путь на Пятигорскія воды и далѣе въ Россію.

Военно-грузинская дорога вьется подъ самыя облака, на высоту болѣе чѣмъ двухъ съ половиною верстъ, на перевалѣ. Оттуда спускается она на южную сторону въ цвѣтуція долины Грузіи, къ рѣкамъ Арагвъ и Куръ. Вѣчные снѣ-

га Казбека, Эльборуса и многихъ другихъ, меньшихъ ледниковъ, питають множество горныхъ рѣкъ и ручьевъ. Они, разливаясь по обѣимъ сторонамъ Кавказскаго хребта, обильно орошаютъ Кавказъ и Закавказье. Оттого тамъ почти вездѣ такая богатая растительность: густые лѣса, полные фругтовыхъ деревьевъ, виноградники, поля, испещренныя цвѣтами, и нивы, дающія превосходные урожаи, не смотря на то, что жители не привыкли къ труду и воздѣлываютъ почву нерадиво и небрежно.

По обѣимъ сторонамъ ледниковъ и снѣжныхъ вершинъ кавказскихъ тянутся сначала голыя скалы, потомъ горы, покрытыя мхомъ и сѣверными травами; ниже лѣсистыя цѣпи, поросшія вверху хвойными, а потомъ лиственными деревьями, а наконецъ, еще ниже-цвѣтушіе пригорки, долины и виноградники, между которыми разсѣяны казачьи станицы, татарскіе аулы, армянскія и грузинскія деревни, церкви и множество живописныхъ развалинъ.

Города расположены больше по бассейнамъ главныхъ рѣкъ. Рѣка *Кура* вытекаетъ изъ Турціи; на ней нѣсколько городовъ, но главный—бывшая столица Грузіи, *Тифлисъ*. Кура течетъ на юго-востокъ и за Елисаветпольской губерніей протекаетъ по низменнымъ, жаркимъ и нездоровымъ мѣ-

стамъ. Тамъ она соединяется со многими меньшими рѣчками; въ нее впадаютъ: Храмъ, Алазань, Араксъ, Иора и др. Ближе къ Бакинской губерніи, Кура расплывается въ топяхъ и впадаетъ въ Каспійское море тремя рукавами, образуя при впаденіи своемъ островъ Сальяны, извѣстный богатыми рыбными промыслами. Слѣдующія по величинѣ рѣки Араксъ и Ріонъ. Первый тоже вытекаетъ изъ Турціи въ нашу Эриванскую губернію; течетъ по русской Арменіи и по границѣ нашей съ Персіей. По Араксу нѣтъ большихъ городовъ, но за то берега его, по мѣстамъ, очень плодородны и густо заселены, представляя сплошные сады и нивы. По немъ богатыя пастбища; армянскій скотъ, въ особенности безчисленныя стада барановъ, составляютъ главное богатство страны, но берега Ріона, орошающаго Кутаисскую губернію, то есть ту часть Грузіи, которая прилегаетъ къ Черному морю, еще гораздо плодороднѣй. На Араксѣ и въ особенности на Курѣ встрѣчаются каменистыя, глинистыя и совершенно неплодныя мѣста; по Ріону же все сплошь цвѣтетъ и благоухаетъ. Лѣса его, словно цвѣтники и фругтовые сады, переполнены цвѣтами, ягодами, и плодами самыми рѣдкими. Имеретія, и сосѣднія съ ней Мингрелія, Гурія и Сванетія, изъ которыхъ состоитъ Кутаисская губернія, составля-

ють уголокъ изъ самыхъ богато одаренныхъ въ мірѣ. Жаль только, что русскому человѣку тамошняя природа и растительность не сподручны, болѣетъ онъ почти всегда тамошними злыми лихорадками. Высокія плоскогорья Арменіи, за Кавказомъ, гдѣ климатъ холоднѣе гораздо сподручнѣй.

Гдѣ же русскому человѣку живется какъ дома, такъ это на богатыхъ равнинахъ Сѣвернаго Кавказа. Между Волгой и Дономъ раскинулись солончаки да степи почти безводныя, на которыхъ нѣтъ осѣдлыхъ жителей, а только кочуютъ Киргизы да Калмыки со своими стадами. Южнѣ этихъ степей тянется предгорье Кавказа—цвѣтушія равнины орошаемыя быстрыми рѣчками. Тутъ-то разсѣяно множество казачьихъ станицъ, совсѣмъ русскихъ городовъ и деревень, а также и ногайскихъ и татарскихъ ауловъ. Очень давно, еще со временъ Петра Великаго, стали селиться, на восточной сторонѣ предгорья, казаки съ Волги. Назвались они Гребенскими, отъ горныхъ гребней, отдѣлившихъ ихъ, словно стѣной, отъ азіатскоюжною Россіи, тогда какъ безводныя степи, пески, да непроходимыя болота прикаспійскія отдѣляютъ ихъ мѣста отъ коренной Руси. Отрѣзанные такимъ образомъ отъ всего, Гребенцы съ виду отатарились, но въ сущности остались истыми русскими — старообрядцами. Трудна была ихъ жизнь

боевая, дѣлившаяся между плугомъ и ружьемъ, но они не унывали. Кровью и жизнью своей ежедневно отстаивали они своихъ близкихъ и свое имущество отъ непокойныхъ сосѣдей-горцевъ и неутомимыми трудами и мужествомъ создали себѣ привольную и богатую жизнь.

Сѣверный Кавказъ дѣлится на Ставропольскую губернію и три области: Кубанскую, Терскую и Дагестанскую. Быстрыя, горныя рѣчки Терекъ, Сунжа, Кубань, Лаба, Кума и др. орошаютъ поля, сады и виноградники. Главное богатство края пшеница, кукуруза, винодѣлье и громадныя баштаны арбузовъ и дынь. Жители занимаются также скотоводствомъ, огородничествомъ и пчеловодствомъ.

Губернскій городъ Ставрополь лежитъ на сѣверо-западѣ Кавказскаго края. Ставропольская губернія примыкаетъ къ землѣ Войска Донскаго. Здѣшняя земля очень богата хлѣбами, и пастбищами, хотя мѣстами страдаетъ безводіемъ.

На западъ отсюда лежитъ Кубанская область. Главныя города ея: Екатеринодаръ на р. Кубани, мѣстопробываніе начальника области, всѣхъ властей и центръ правительственныхъ учреждений; и Ейскъ на Азовскомъ морѣ, — средоточіе областной торговли. На юго-востокъ, ближе къ главному Кавказскому хребту, Терская

область. Главный городъ Владикавказъ, названный такъ именно потому, что кто владѣеть имъ, тотъ владѣеть и Кавказомъ. Онъ стоитъ у самаго преддверья въ единственный горный проходъ чрезъ Кавказскую цѣпь, по Военно-грузинской дорогѣ. Расположенъ Владикавказъ по берегамъ Терека, подъ самыми горами, въ виду снѣговыхъ вершинъ. Терекъ здѣсь не рвется съ камня на камень и не бушуетъ, какъ по дорогѣ въ Грузію, въ скалахъ дикаго ущелья Дарьялскаго, а разливается въ отлогихъ берегахъ. Онъ бѣжитъ далѣе на востокъ и тамъ, становясь постепенно тише, вливается среди песковъ промежь болотнаго камыша въ Каспійское море. Внизъ по Тереку есть еще два города: Моздокъ и Кизляръ. Славятся они своимъ винодѣльемъ и отчасти шелководствомъ; а живутъ въ нихъ больше армяне. Но главная слава Терской области заключается въ Пятигорскомъ уѣздѣ, гдѣ находятся извѣстныя всему свѣту цѣлебныя воды. Ихъ нѣсколько источниковъ. Въ городѣ Пятигорскѣ — сѣрный; въ станицѣ Желѣзноводскѣ — желѣзистый; въ станицѣ Ессентукахъ — щелочной; а въ Кисловодскѣ знаменитый кипучій отъ сильныхъ газовъ, но какъ ледъ холодный, Нарзанъ. Вся эта мѣстность, у подножія горъ Бештау и Машука, въ виду снѣжнаго Эльборуса, очень живописна и на-

селена. Кромѣ названныхъ станицъ возлѣ Пятигорска *) есть еще нѣсколько поселеній и нѣмецкихъ колоній и множество не открытыхъ минеральныхъ источниковъ. Всякое лѣто на Пятигорскія воды съѣзжается много больныхъ со всѣхъ концовъ Россіи.

Дагестанская область — крайняя на востокъ, точно такъ какъ Кубанская крайняя на западъ Кавказа. Дагестанъ находится ужь въ горахъ. Въ немъ главный городъ — бывшая крѣпость Темиръ-Ханъ-Шура и два приморскихъ города на Каспійскомъ морѣ: Дербентъ и Петровскъ.

Столица прежняго грузинскаго царства, Тифлисъ, нынѣ губернскій городъ на р. Курѣ, лежитъ въ узкой долинѣ, отовсюду запертой высокими горами. Это красивый, большой, полу-русскій, полу-азіатскій городъ. Черезъ него идетъ вся наша торговля съ Персіей и значительная часть торговли со всей Азіей. Безконечные караваны верблюдовъ день и ночь тянутся къ желѣзнымъ дорогамъ въ Баку и къ Черному морю и къ Военно-грузинскому пути, — во Владикавказъ. Въ Тиф-

*) Такъ названъ по горѣ Бештау, — пятигорье.

лисъ много садовъ, превосходные фрунты, дешевое и прекрасное вино. Есть также цѣлебныя сѣрные источники, обращенные въ городскія бани, не требующія топлива, такъ какъ вода въ нихъ сама по себѣ горяча. Народонаселеніе, кромѣ коренныхъ жителей Грузинъ, смѣшанное: Армяне, Русскіе, Татары, Персіяне, Турки, Евреи, Нѣмцы и множество иностранцевъ. Тутъ же въ городѣ и нѣмецкая колонія и молочанская деревня (русскихъ сектантовъ молочанъ и духоборцевъ поселено въ браѣ очень много). Въ Тифлисъ молочане больше занимаются извозомъ, но вообще они хорошіе землепашцы. Самъ по себѣ Тифлисъ чрезвычайно красивъ и представляетъ много интереса для прїѣзжихъ, потому что мало гдѣ можно найти такую смѣсь Азіи съ Европой, глубокой древности зданій съ современной красотой построекъ и народныхъ обычаевъ съ нынѣшними нравами. Городъ прорѣзываетъ быстрая Кура, чрезъ которую переброшены четыре моста, но чрезвычайно краситъ его множество зелени: особенно большой Александровскій садъ, между дворцомъ Намѣстника и площадью, на которой строится военный соборъ, прекраснымъ зданіемъ гимназіи и главнымъ мостомъ, Михайловскимъ, такъ названнымъ въ честь бывшаго намѣстника князя Мих. Сем. Воронцова, статуя ко-

торого возвышается въ концѣ моста, на лѣвомъ берегу рѣки. Самые замѣчательные памятники древности въ Тифлисѣ нѣкоторыя церкви: Сионскій и Анчисхатскій православные соборы въ старомъ городѣ и армянская церковь Бетхайнъ, на Салалакскихъ скалахъ, по которымъ также возвышаются древнія стѣны и башни крѣпости. Эти скалы тянутся, какъ стѣна, съ южной стороны города, а за ними прячется чудеснѣйшій Ботаническій садъ: — эта тифлисская оранжерея, гдѣ зелень и цвѣты держатся круглый годъ. На западѣ—громаднымъ шатромъ возвышается Мта-Цминда, т. е. «гора святая». На ней, возлѣ пещеры, высится монастырь и тамъ же похороненъ нашъ славный поэтъ Грибоѣдовъ, убитый въ Персіи, куда онъ ѣздилъ посланникомъ. Кура течетъ между высокихъ, красивыхъ, густо застроенныхъ береговъ. Она вытекаетъ съ сѣвера, оттуда, гдѣ за моремъ зелени и горъ, въ хорошіе дни видна бѣлоснѣжная шапка Казбека. Подъ Салалакскими скалами Кура вдругъ сворачиваетъ на востокъ, круто огибаетъ Метехскую скалу, на которой высится церковь и тюрьма, и пропадаетъ изъ глазъ въ безконечныхъ виноградникахъ. Народонаселенія въ Тифлисѣ считаютъ болѣе 100,000; но оно доходитъ до 200 тысячъ, по зимамъ, когда всѣ въ сборѣ и пол-

ки расположены въ городѣ. Лѣтомъ же въ немъ такой жаръ, что всѣ бѣгутъ въ живописныя, прохладныя окрестности; выѣзжаютъ даже учебныя заведенія, и всѣ власти переселяются въ Куджоры, всего за восемь верстъ на дачи, разбросанныя по такимъ высотамъ, гдѣ всегда прохладно.

Въ 20 верстахъ отъ Тифлиса тамъ, гдѣ Арагва сливается съ Курой, стоитъ древняя столица Грузіи, Мцхеть, — и въ немъ древній храмъ, гдѣ короновались и похоронены всѣ грузинскіе цари и царицы. Къ сѣверу есть еще уѣздный городъ по Курѣ, Гори, а еще выше по ней, на западъ, городъ Ахалцыхъ, бывшая турецкая крѣпость, взятая графомъ Паскевичемъ Эриванскимъ, въ 1828 году. Ахалцыхъ славится своими прекрасными яблоками, а жители его искусно работаютъ изъ серебра тонкія филограновыя вещи.

Тифлисская губернія протянулась очень далеко къ востоку. Здѣсь, по рѣкѣ Алазани, раскинулась роскошная долина Кахетіи, съ уѣздными городами Телавомъ и Сигнахомъ. Прежде Кахетинское царство, хотя населенное тѣми же Грузинами, жило отдѣльно отъ Грузіи, и столицей его былъ Телавъ. Кахетія покрыта богатѣйшими виноградниками, которые даютъ извѣстное кахетинское вино, но по долину Альзани сверхъ того много табачныхъ посѣвовъ.

Словно цвѣтущій паркъ, раскинулись горныя, живописныя мѣста по берегамъ Ріона и Чернаго моря. Кутаисская губернія, состоитъ изъ бывшаго царства Имеретинскаго и нѣсколькихъ прежде отдѣльныхъ княжествъ: Мингреліи, Грузіи, Сванетіи. Кромѣ губернскаго города Кутаиса, въ губерніи есть еще нѣсколько городовъ, но стоитъ упоминанія лишь одинъ Поті, потому что, до завоеванія Батума, это былъ единственный портъ въ этомъ краѣ. Самые нѣжные фрунты, виноградъ, персики, гранаты, винныя ягоды, миндаль, грецкіе орѣхи, растутъ здѣсь безъ всякаго ухода и достигаютъ огромной величины. Одно орѣховое дерево въ Грузіи часто кормитъ цѣлую семью; хотя плоды его продаются очень дешево, но родится ихъ множество. Грецкіе орѣшники бываютъ такъ громадны, что каждая вѣтка имѣетъ толщину обыкновеннаго дерева. И растутъ они очень красиво, густыми, круглыми, темно-зелеными шапками, раскидываясь надъ саклями или туземными жилищами, которыя совсѣмъ исчезаютъ въ ихъ зелени и тѣни. Въ Имеретіи дома не съ плоскими крышами, какъ въ Грузіи, а напротивъ съ очень высокими кровлями и всѣ обыкновенно спрятаны подъ вьющимися, съ крыши на крышу, съ дерева на дерево, виноградными лозами и другими ползучими растеніями. Розовые кусты,

плющъ, жасминъ, да и вообще вся растительность здѣсь замѣчательна по величинѣ и красотѣ. Но бѣда та, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ полѣсамъ нельзя ходить: лѣса растутъ въ водѣ, а не на землѣ. Болота страшныя, особливо къ морю, возлѣ Поти и Батума! Осушить ихъ нѣтъ возможности, потому что почва ниже уровня моря, поэтому и климатъ очень нездоровый: лихорадки мѣстные морятъ бѣдныхъ жителей, особенно прѣзжихъ. Главная пища туземцевъ — гоми, родъ проса, изъ котораго пекутъ хлѣбы. Впрочемъ и кукуруза здѣсь сѣется въ изобиліи, какъ и на сѣверномъ Кавказѣ, только ею больше откармливаютъ скотъ. Возлѣ Кутаиса въ изобиліи добывается каменный уголь; изъ его болѣе прочнаго вида, называемаго гишеръ, жители дѣлаютъ прекрасныя вещи: чотки, брошки, запонки и прочія бездѣлушки, которыми торгуютъ успѣшно. Въ особенности чотки цѣнятся и расходятся во множествѣ, потому что безъ нихъ не обходится ни одна женщина въ Грузіи или Арменіи. Табачныя посѣвы въ Имеретіи и далѣе, по сѣверо-восточному берегу Чернаго моря, возлѣ Сухумъ-Кале, въ Абхазіи и возлѣ Новороссійска, въ Черноморскомъ Округѣ, занимаютъ чуть ли не первое мѣсто въ производительности края. Хотя торговля табакомъ выгодна, земледѣльцы этимъ не очень довольны, потому

что плантаціи табаку на югѣ истощаютъ землю. Городъ Сухумъ-Кале, на Абхазскомъ берегу моря, сильно потерпѣлъ во время послѣдней турецкой войны и окрестности его обезлюдѣли, послѣ переселенія Абхазцевъ въ Турцію. Хотя они оттуда вернулись на слѣдующій годъ, но большая половина несчастныхъ перемерла отъ холоду и голоду, — такъ не гостепрѣимно приняли ихъ единовѣрцы ихъ, Турки. Главная бѣда Абхазіи, какъ и Черноморскаго, и Батумскаго округовъ это — отсутствіе дорогъ. Громадные, тысячелѣтніе лѣса покрываютъ неприступныя горы, но нѣтъ имъ сбыта, потому что нѣтъ средствъ довести до порта срубленныхъ великановъ.

Вновь покоренная Россіей Батумская область, лежитъ на крайнемъ западѣ Грузіи. Жители тамъ единоплеменны Грузинамъ, но такъ какъ они давно покорены были Турками, то многіе, роднясь съ ними, перешли въ магометанство и совершенно отуречились. Зовется эта сторона Аджаріей. Надо думать, что Аджарцы теперь снова возвратятся къ христіанству, котораго они вполнѣ никогда не забывали: у нихъ и понынѣ чтутъ православныхъ святыхъ и соблюдаютъ многіе праздники. Батумъ — превосходная гавань, но край еще совсѣмъ дикій. Гористая мѣстность вверхъ, по рѣкѣ Чороху, очень красива и пло-

дородна. Въ садахъ растутъ даже маслины и лимонныя деревья: до того хорошъ здѣсь климатъ! Но ниже къ морю, возлѣ города, тѣже болота и лихорадки свирѣпствуютъ съ мая до августа.

Сосѣдняя съ Тифлисской губернія Елисаветпольская вся почти населена Татарами, не горцами, а переселившимися изъ Персіи. Татарское населеніе начинается съ Борчалы, уѣзда Тифлисской губерніи (славящагося разбоями и воровствами) и тянется сплошь до Каспійскаго моря. Впрочемъ Татары хорошіе шелководы и скотоводы; стада ихъ, въ особенноти бараньи, кормятъ весь край. Два города Елисаветпольской губерніи—Нуха и Шуша и третій Бакинскій губерніи — Шемаха, царство закавказскаго шелководства. Губернскій городъ Елисаветполь славится дичью, виноградомъ и всякими фруктами. Здѣсь есть уже посѣвы рису и хлопчатой бумаги. На Ганжѣ, какъ туземцы обыкновенно называютъ этотъ край по рѣчкѣ Ганжинкѣ, есть богатые мѣдные пріиски. Въ этихъ мѣстахъ вообще очень много всякой руды особенно мѣдной; но Елисаветпольскіе пріиски лучше разработаны и даютъ ежегодно до 60,000 пудъ чистой мѣди. Кромѣ того жители, особливо

Шушинцы, хорошо красят шерсть и ткуть прекрасные ковры, на манеръ персидскихъ. Уѣздный городъ Нуха утопаетъ въ шелковичныхъ садахъ. Онъ лежитъ на равнинѣ, орошаемой множествомъ рѣчекъ, въ виду снѣжныхъ Лезгинскихъ горъ. Въ прежнія времена Лезгины часто дѣлали сюда набѣги и раззоряли жителей. Въ противоположность Нухѣ, Шуша, бывшая столица Карабахскаго ханства, построена на высокой горѣ, совершенно обнаженной; впрочемъ Карабахъ, по низменностямъ, очень плодороденъ и богатъ лѣсами. Отсюда происходятъ горныя Карабахскія лошади, которыя очень высоко цѣнятся. Не подалеку отъ Елисаветполя, въ незаселенныхъ равнинахъ, густо поросшихъ кустарникомъ и сажеными травами, растутъ и обучаютъ верблюдовъ, что составляетъ немалый трудъ, такъ какъ животное это отъ природы очень злое, и его надо приучить слушаться голоса вожака, ложиться для нагрузки на колѣни и вставать, когда надо двигаться въ путь.

Западнѣе Нухи, у самыхъ Лезгинскихъ горъ, находится еще одинъ татарскій, совсѣмъ отдѣльный по управленію, округъ, Закаталы. Жители его горскіе мусульмане, до того дикій народъ, что правительство почло за лучшее оставить имъ Шаріятъ, то есть законы, по которымъ

они вели свой судъ и расправу, сообразно священной книгѣ ихъ, корану и преданіямъ отцовъ. Кромѣ серебрянаго да оружейнаго мастерства, общихъ всѣмъ горскимъ племенамъ, жители Загатайскаго округа, никакого определеннаго мастерства не имѣютъ.

Еще восточнѣе Ганжи начинается Бакинская губернія, которая тянется до Каспійскаго моря. Ближайшій уѣздъ ея Шемахинскій, лежитъ на цвѣтущей, но безлѣсной возвышенности. Шемаха, когда-то столица, Ширванскаго ханства, потомъ русскій губернекій городъ, была переименована въ уѣздный, потому что въ ней часто повторяются землетрясенія, разрушающія всѣ зданія. Шемаха извѣстна своими шелковыми издѣліями и хлѣбородной почвой. Здѣшніе русскіе поселенцы, молокане, не нахвалятся урожаями. Губернскій городъ Баку, главный портъ нашъ на Каспійскомъ морѣ, въ послѣдніе годы такъ выросъ и разбогатѣлъ, что его не узнаютъ люди, не видавшіе его нѣсколько лѣтъ. Прежде это была груда каменныхъ мазанокъ у подножья высочайшей башни на берегу самаго моря. Теперь башня словно удалилась отъ берега, уменьшилась, спрятавшись за прекрасные, высокіе дома набережной, стройно вытянувшейся вдоль порта. А портъ этотъ вѣчно полонъ судовъ, пароходовъ,

разноцвѣтныхъ флаговъ и мачтъ. Отчего же совершилось такое быстрое превращеніе? Разработка огромнаго, бездоннаго богатства, которымъ одарены окрестности Баку совершила такое видимое чудо. Это богатство уже и теперь имѣетъ всемірную извѣстность неисчерпаемыми нефтяными источниками. Нефть находится по всему Закавказскому краю, но главныя подземныя залежи ея начинаются съ сѣвернаго Дагестана. Онѣ тянутся вдоль морскаго берега къ Петровску и Баку и тамъ, возлѣ селеній Балаханы и Сураханы, а также и на Баиловомъ мысу, разливаются неистощимыми подземными богатствами. Сила нефтяныхъ источниковъ издавна здѣсь была извѣстна. Не только земля вспыхиваетъ и горитъ лучше дровъ, въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ бы ни раскопали ее палочкой и ни зажгли бы; но и самое море, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ со дна его бьютъ источники нефти, до того пропитано ея газами, что стоитъ бросить на поверхность волнь зажженную спичку, чтобы море загорѣлось. Поразительно зрѣлище горящаго моря! Непрерывные газы поддерживаютъ огонь, который разростается и пламя колеблется вмѣстѣ съ волнами, если не затушить его сильный порывъ вѣтра. Жители въ деревняхъ Сураханы и Балаханы живутъ словно въ огнѣ: ихъ постоян-

но обружаетъ пламя, то они выжигаютъ известку, то выжимки нефти на топливо. Не подалеку отъ Чернаго городка, — такъ называютъ мѣсто приисковъ, вѣроятно отъ того, что почва вокругъ буровыхъ колодцевъ до того пропитана нефтью, что черна, какъ сажа, — находится кумирня язычниковъ, огнепоклонниковъ, выходцевъ изъ Индіи. Тамъ все горитъ: и земля и бѣлыя стѣны, вымазанныя известкой, и сама кумирня, глиняный павильонъ на столбахъ, гдѣ прежде вѣчно стояли длинноногіе, черные и высохшіе, какъ скелеты индійцы, то вытянувшись въ струнку, то скорчившись, смотря по данному божеству обѣту. Теперь же огнепоклонники почти всѣ исчезли. да и храмъ ихъ совсѣмъ незамѣтенъ за громадными постройками заводовъ Нобеля, Кокорева, Мирзоева и многихъ другихъ. На заводахъ этихъ очищаютъ нефть, гонятъ фотогенъ, наливаютъ его въ бочки, по желѣзной дорогѣ провозятъ въ Баку, а оттуда отправляютъ во всю Россію. Не смотря на дѣятельную работу и громадный вывозъ нефти во всѣхъ видахъ, ее здѣсь такъ много, что она часто вырывается изъ продѣланныхъ для добыванія ея буровыхъ скважинъ или колодцевъ и неудержимо бьетъ вверхъ фонтанами въ нѣсколько саженой высоты. Тогда сотни тысячъ пудовъ ея выбрасываются даромъ изъ зем-

ли и цѣлыми озерами разливаются по окрестностямъ. Одно озеро никогда не испаряется и такъ велико, что на немъ есть даже лодка съ веслами, для желающихъ прокатиться по фотогену.

Бакинская губернія еще богата рыбными промыслами. Изъ нихъ главный уловъ въ Сальянахъ и на Божьемъ-Промыслѣ, при впаденіи Кюры въ море. Въ губерніи есть еще два уѣздныхъ города: Ленкорань, на самой границѣ Персіи и Куба, къ сѣверу отъ Баку. Кубинскій уѣздъ находится уже въ горахъ, граничитъ съ Дагестанской областью сѣвернаго Кавказа. Здѣсь вездѣ богатѣйшая южная растительность: рисъ, хлопчатникъ, марена, великолѣпные фрукты; а въ дикихъ дремучихъ лѣсахъ водится множество краснаго звѣря. Въ Ленкоранѣ убиваютъ иногда даже тигровъ и барсовъ, заходящихъ изъ Персіи.

Какъ Бакинская губернія протянулась къ крайнему востоку Закавказскаго края, такъ на западъ изъ Ганжи, на югъ отъ Тифлиса, къ крайнему западу Закавказья, раскинулась Эриванская. Въ ней главное населеніе Армяне; но много тоже Татаръ, Грековъ и Курдовъ, — дикихъ кочевниковъ и разбойниковъ первой руки. Здѣсь тоже главные промыслы садоводства, шелководства, винодѣлія, но особое богатство Эриванской губерніи заключается въ соли. Кульпы, между Эри-

ванью и Александрополемъ; между Нахичеванью и Ордубатомъ - Нахичеванскія соляныя копи, — богатѣйшія въ мірѣ. Въ нихъ часто находятъ такія каменные орудія, — молоты и кирки, которыя употреблялись въ древнѣйшія времена, когда желѣзо еще не было извѣстно людямъ. Изъ этого видно, что соль здѣсь добывалась издавна, много вѣковъ тому назадъ, а все же Кульпинскія и Нахичеванскія копи и теперь неистощимы. Въ Эриванской губерніи, къ персидской границѣ, земля содержитъ, кромѣ того, много всякой руды и минераловъ: желѣза, мѣди, кобальту и селитры. Жаль только, что никто не разрабатываетъ пріисковъ, никто не пользуется ими! Въ Эривани растетъ также и хлопчатникъ и рисъ, но они не такъ хороши, какъ въ Персіи. Винодѣліе въ долинѣ Арарата идетъ не совсѣмъ успѣшно, потому что климатъ здѣсь такъ зноенъ, что сорта винограда, при огромномъ разнообразіи, черезъ чуръ всѣ сладки. Отъ этого и вина болѣе пригодны на перегонку въ спиртъ, чѣмъ для обыкновеннаго употребленія.

На возвышенной мѣстности, къ сѣверо-западу отъ долины Арарата, гдѣ лежитъ Эривань, залегло громадное озеро Гокча или, по армянски, Севанга. Оно занимаетъ 80 верстъ въ длину и 60 въ ширину. Очень богато рыбой, особенно пре-

красной озерной форелью, торговля которою доставляетъ хорошій промыселъ, поселеннымъ возлѣ Гокчи молоканамъ и суботникамъ. Со стороны дороги изъ Тифлиса въ Эривань, есть богатая поселенія, армянскія деревни; но сѣверо-восточные берега озера примыкаютъ къ дикой мѣстности Елисаветпольской губерніи, гдѣ совсѣмъ нѣтъ осѣдлыхъ жителей, а только Татары кочуютъ со своими стадами, да заходятъ изъ персидской границы цыгане воры и грабители—Курды. Курдовъ много племень; почти всѣ магометане; они очень жестоки и вѣроломны, даже между собой, а съ христіянами и говорить нечего! Во время турецкой войны Курды то и дѣло присоединялись къ баши-бузукамъ, — грабили и разбойничали, участвуя въ жестокостяхъ Турокъ надъ христіянами. Одно только племя между ними лучше другихъ: Езиды, и странно, что оно состоитъ изъ идолопоклонниковъ. Какъ слѣдуетъ русскимъ подданнымъ, они дрались рядомъ съ нашими войсками, и ихъ предводитель даже произведенъ въ офицеры. Проѣхавъ двѣ станціи за Гокчу, ѣдущіе въ Эривань видятъ чудныя картины, глядя съ высоты на громадную долину. Вся она утопаетъ въ садахъ и виноградникахъ, а посрединѣ ея, двумя бѣлоснѣжными шатрами, возвышаются два Арарата, — Большой и Малый. Стоятъ они особнякомъ,

вдали отъ всѣхъ другихъ возвышенностей. Правѣ виднѣется еще одна снѣжная вершина, гора Алагезъ; но та стоитъ далеко, въ общей цѣпи горъ, тогда какъ оба Арарата высятся одни, сами по себѣ, словно двѣ блестящія сахарныя головы. Эривань по виду совсѣмъ татарскій городъ, издали очень красивый. Равнина, въ которой раскинулся городъ, похожа на громадную корзину цвѣтовъ. Бѣлые домики, башни, развалины крѣпости, мечети и пестрые минареты *), выложенные разноцвѣтными изразцами: все тонетъ въ садахъ, загораживается аллеями пирамидальныхъ тополей, все обвито коврами виноградныхъ лозъ, плющемъ, все изукрашено розовыми и гранатовыми кустами. Свѣтлая рѣчка Занга срывается водопадомъ съ высокой горы въ равнину и, прорывши глубокое ложе въ скалахъ, стремится къ городу и исчезаетъ въ непроходимыхъ кущахъ всякой зелени.

Въ самой Эривани достойны вниманія: садъ Сардорскій и дворецъ бывшихъ хановъ персидскихъ (Эривань взята графомъ Паскевичемъ въ 1826 г.), — дворецъ, весь расписанный цвѣтами, райскими птицами, и портретами хановъ. На базарѣ и на пло-

*) Высокая башня, съ которой муеззинъ — татарскій дьячекъ, — призываетъ на молитву громкимъ пѣніемъ: все равно, что у насъ колоколья.

щади съ главной мечетью, вѣчная толкотня и суета. Кругомъ мечети открытыя комнаты, словно ложи въ театрѣ, а въ нихъ цѣлые дни зубрятъ коранъ. *) бритые полуголые Татарченки: это ихъ медресе, — школы. Мечеть великолѣпна, вся въ рѣзбѣ, въ цвѣтныхъ стеклахъ узорчатыхъ оконъ, въ мозаичныхъ стѣнахъ. Во дворѣ, возлѣ мечети огромный, какъ прудъ бассейнъ, всегда окружень богомольцами, совершающими омовенія, предписанныя Магометомъ, въ самыхъ странныхъ позахъ: кто сидитъ на корточкахъ, свѣсивъ голову и руки опустивъ, какъ плети въ воду; кто на колѣнахъ творить намазъ **). Лица у всѣхъ смуглыя, сердитыя; ногти, ладони и бороды окрашены въ оранжевый цвѣтъ; бараньи шапки нахлобучены на самые глаза. Нѣкоторые просто страшны!..

Вправо отъ Эривани, среди виноградниковъ, ближе къ Арарату раскинулось огромное село и величественно возвышается древній армянскій монастырь, Эчмиадзинъ, пребываніе армяно - григоріанскаго патріарха. Патріархъ глава всего армянскаго духовенства; его избираютъ въ Констан-

*) Коранъ — книга закона Магомета, — ученіе вѣры ма-
сультманской.

***) Намазъ — обязательныя для магометанъ утромъ, вече-
ромъ и въ полдень, молитвы.

тинополѣ, а утверждаетъ нашъ Государь.

На Большомъ Араратѣ, какъ сказано въ священномъ писаніи, остановился послѣ потопа Ноевъ ковчегъ: и вотъ неподалеку отъ уѣзднаго города **Н а х и ч е в а н и** показываютъ и могилу праотца Ноя. Крайній къ персидской границѣ городъ Эриванской губерніи, **Ор д у б а д ѣ**, построенъ на высокой скалѣ, надъ рѣкою **А р а к с о м ѣ**. Въ другую сторону, къ турецкой границѣ, крайнимъ нашимъ городомъ былъ, до послѣдней войны, уѣздный городъ **А л е к с а н д р о п о л ь**, той же губерніи, знаменитая крѣпость, возлѣ которой пало и похоронено много воиновъ православныхъ. Въ самомъ городѣ кладбище, гдѣ рядами лежатъ офицеры, генералы и командиры многихъ тысячъ храбрецовъ павшихъ вмѣстѣ съ ними на полѣ брани, такъ и зовется: «холмомъ чести». Воистину честь и слава памяти этихъ русскихъ героев!.. Не даромъ легли они за честь русскаго знамени: и съ этой стороны Закавказья прибавилась къ намъ богатая область, какъ и на Черномъ морѣ — **Б а т у м с к а я**. Нынѣ уже наши пограничные города не **А л е к с а н д р о п о л ь** и **А х а л ц ы х ѣ**, а сильная крѣпость **К а р с ѣ** и другая сѣвернѣе, **А р д а г а н ѣ**. Все это такія же плодородныя мѣста, какъ и **А л е к с а н д р о п о л ь с к і й** уѣздъ, который считается житницей Закавказья. Онѣ расположены на ровной, черноземной возвышенности, безлѣсной,

но покрытой посѣвами и лугами... Молокане и духоборцы, поселенные здѣсь, благоденствуютъ. Климатъ какъ и въ Ахалкалакскомъ, сосѣднемъ уѣздѣ Тифлисской губерніи, гдѣ тоже богатые духоборскія поселенія, точно въ Россіи: зимы бывають суровыя, и снѣжныя, но зато урожаи баснословныя.

Вообще Кавказскій край очень богатъ силами почвенными и разнообразными минеральными залежами, источниками, рудами и копиями, но все это еще находится почти вездѣ, въ дикомъ, необработанномъ состояніи. Народъ тамъ лѣнивый, беспечный, не предусмотрительный и не предприимчивый. Долгая война, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, развили въ Грузинахъ, вмѣстѣ съ отчаянною храбростью, полное равнодушіе къ своему благосостоянію. Они до того избалованы щедрымъ климатомъ, землей, дающей въ иныхъ мѣстахъ по два урожая за лѣто, что даже рѣдко заготовляютъ запасы на случай неурожайнаго года или какого несчастія. Передъ ними неистощимыя богатства, даровыя сокровища, которыя обогатили бы Нѣмца, Англичанина или Американца,—а они и не думаютъ ими пользоваться, довольствуясь горстью проса или риса, да стаканомъ кахетинскаго вина. Даже Армяне, преимущественно занимающіеся торговлей (такъ какъ недалеко то время, когда гру-

зины считали постыднымъ дѣломъ торговать) — узко смотреть на торговое дѣло. Они довольствуются мелкими барышами, но ничего не умѣютъ извлечь изъ промысловъ, которые сами просятся въ руки, изъ растительныхъ произведеній края, пропадающихъ теперь даромъ. Однако въ тѣхъ мѣстахъ Кавказа и Грузіи, гдѣ живутъ Армяне, или Греки, гдѣ поселены нѣмецкіе колонисты и наши русскіе сектанты, или оставные солдаты, — земледѣльство, огородничество и садоводство идутъ лучше. Тамъ же, гдѣ мѣстность предоставлена Грузинамъ и эти простѣйшія, хотя важныя, отрасли народнаго благосостоянія едва прозябаютъ.

Кавказъ просить, зоветъ работниковъ. Ему нужны умѣлые, предприимчивые люди; сильные, не лѣнливыя руки, чтобъ разцвѣсть въ полной силѣ. Нынѣ же онъ едва прокармливаетъ свое пятимилліонное населеніе, да и то Россія должна постоянно на него тратиться... А между тѣмъ, этотъ край, обильно политый русскою кровью и посыпанный русскимъ золотомъ, могъ бы теперь, когда ему даны миръ и безопасность, съ лихвой возвратить затраченные на него капиталы, да и самъ разбогатѣть.

II.

Грузія и Грузины.

Сказавъ о Грузинахъ правду въ настоящемъ, надо воздать имъ должное за прошлое.

Исторія грузинскаго народа можетъ служить высокимъ примѣромъ подвиговъ христіанскихъ. Не многочисленное племя Картвельское, — такъ называютъ себя коренные Грузины, по имени родоначальника ихъ Картлоса, — приняло вѣру православную въ первыхъ вѣкахъ христіанства. Съ той поры они не переставали проливать за него кровь, сражаясь съ своими сосѣдями магометанами, — Персами, Турками и Татарами, упорно старавшимися, въ продолженіи цѣлаго тысячелѣтія, со-вратить ихъ въ мусульманство. Они вторгались со всѣхъ сторонъ въ маленькое христіанское государство; разоряли города, разрушали и оскверняли храмы, уводили въ плѣнъ женъ и дѣтей; жестоко мучили, убивали жителей и подвергали всю страну постыдному рабству, но не могли заставить Грузинъ измѣнить Христу. Грузины терпѣли это и не переняли у враговъ своихъ ни вѣры, ни обычаевъ, а напротивъ того многое передали му-

сульманскому населенію Закавказья, хотя оно въ десять разъ превосходитъ ихъ числомъ.

Нигдѣ нѣтъ такого множества церквей, монастырей и развалинъ храмовъ, разсѣянныхъ по лѣснымъ дебрямъ и неприступнымъ горамъ, какъ въ Грузіи. Каждый изъ монастырей, со временъ глубочайшей древности, съ царствованія царицы Тамары, которой приписываютъ постройку большей части изъ нихъ, служилъ въ то же время и крѣпостью несчастнымъ, осаждаемымъ христіанамъ. Цѣлые ряды пещеръ, вырубленныхъ въ скалахъ, вокругъ древнихъ храмовъ, своды церквей и ихъ подземелья, переполненные черепами и костями иноковъ и воиновъ ихъ защищавшихъ, свидѣтельствуютъ и до нынѣ, что нигдѣ не могло быть пролито болѣе крови за вѣру Христову. Въ Кахетіи есть монастырь Гарреджійскій, св. Давида, гдѣ Шахъ-Абасъ персидскій въ одну ночь, во время Свѣтлой Христовой утрени, вырѣзалъ 6,000 человекъ, въ то время, какъ они славили Воскресеніе Господне, обходя храмъ съ зажженными свѣчами... А сколько разъ горцы раззоряли, во время своихъ воровскихъ набѣговъ, каждую обитель въ Картолініи, — этому и счетъ свести нельзя! Только теперь, со времени окончательнаго покоренія Кавказа, тамошніе христіане могутъ спокойно исповѣдывать вѣру,

принятую ими въ тѣ далекія времена, когда мы, Русскіе, еще поклонялись языческимъ богамъ.

Первыя понятія о Богѣ истинномъ были занесены на Черноморскіе берега апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ и его спутникомъ св. Симономъ Кананитомъ. Въ тѣ времена вся Имеретія и Осетія представляли сплошную тущобу, среди непроходимыхъ горъ, не знавшихъ ни голоса, ни ноги человѣческой. Кое-гдѣ, по долинамъ рѣкъ, у побережья морскаго робко таились люди, въ рассыпную, по двѣ — по три семьи, боясь одинъ другаго, прячась отъ сильнѣйшихъ сосѣдей, какъ отъ дикихъ звѣрей. Апостолы едва нашли доступъ къ нѣсколькимъ шаламамъ дикарей-людоѣдовъ, которые имѣли страшный обычай поѣдать трупы умершихъ. Дикари эти существовали ловлею звѣрей и рыбы, а больше дикими плодами и поклонялись идоламъ, изъ которыхъ главный былъ Армазь. Этотъ истуканъ воздвигъ первый царь грузинскій, Фарнаозъ, на высокой горѣ, возлѣ Мцхета, почти за 300 лѣтъ до Рождества Христова; а другаго идола Зеду, гораздо болѣе страшнаго, поставилъ ихъ четвертый царь, Фарнаджанъ, всего за десять лѣтъ до рожденія Спасителя. Идолъ стоялъ тоже на горѣ противъ грузинской столицы, только по другую сторону Куры, въ дремучемъ лѣсу. Въ жертву ему приносили

ежедневно дѣтей, оттого дорога туда и по сю-пору называется «путь материнскихъ слезъ». Слишкомъ еще звѣроподобны были жители Абхазскихъ и Осетинскихъ горъ, чтобы проповѣдь апостоловъ могла принести плоды. Св. Симона Кананита въ Абхазіи убили. Но въ то же время апостолы Фадѣй и Вареоломей проповѣдовали уже ученіе Христово въ Арменіи, такъ что свѣтъ истины проникалъ съ двухъ сторонъ въ Грузію или Иверію, какъ ее называли Греки и Римляне *).

Распространенію въ Грузіи вѣры христіанской много способствовала одна еврейская семья, жившая во Мцхетѣ. Желая удостовѣриться въ справедливости слуховъ о божественной проповѣди явившагося въ Іерусалимѣ Мессіи, еврей Эліозъ **), оставивъ въ грузинской столицѣ свою мать и сестру, самъ отправился въ Палестину. Онъ пробылъ долго въ Іерусалимѣ, присутствовалъ при крестномъ мученіи Христа, искренно принялъ ученіе Его и возвратился въ Грузію съ хитономъ

*) Отъ того и икона Иверской Божіей Матери, что въ Москвѣ, такъ называется потому, что списана съ грузинскаго образа Богородицы на Аѳонѣ, въ монастырѣ, принадлежащемъ иконамъ изъ Грузинъ.

**) Древній родъ Эліозовыхъ и понынѣ существуетъ въ Грузіи.

Господнимъ, который ему удалось купить у воина, получившаго его по жребію. Въ то время, какъ Христось испустиль духъ на крестѣ, благочестивая мать Эліоза, остававшаяся во Мцхетѣ, воскликнула: «Нынѣ паденіе царства Израилева!» Сказавъ это она сама пала мертвой, на руки дочери своей, Сидоніи. Когда Сидонія почувствовала возвращеніе брата, она выбѣжала ему на встрѣчу, обняла хитонъ Господень и тотчасъ умерла. Никакой силой не могли вырвать изъ закованныхъ рукъ ея одѣяніе Христово: Сидонію похоронили вмѣстѣ съ хитонемъ, въ царскомъ саду и вскорѣ надъ могилой ея выросъ величественный кедръ. Когда, черезъ 200 лѣтъ спустя, пришла изъ Рима св. Нина проповѣдывать христіанство въ Грузіи, она дивилась чудотворной силѣ этого дерева, къ которому христіане и язычники приходили отовсюду за исцѣленіемъ въ болѣзняхъ. Старшій въ родѣ Эліозовыхъ сообщилъ Нинѣ о семейномъ ихъ преданіи и тогда святая просвѣтительница Грузіи поняла чудесное свойство кедра и стала днемъ проповѣдывать, а ночью молиться въ царскомъ саду, подъ его сѣнью. Тутъ ей представлялись чудныя видѣнія.

Она рассказывала, что разъ, пока она молилась, на глазахъ ея обѣ горы, на которыхъ стояли идола Армаза и Зеды пали и были затоп-

лены Курой и Арагвой, у стѣнъ Мцхета. Что къ этимъ же рѣкамъ прилетѣли черныя птицы, но, омывшись въ нихъ, стали бѣлы, какъ серебро.— «Вотъ такъ и народъ нашъ обѣлится, если окрестится въ освященныхъ водахъ своихъ рѣкъ, во имя истиннаго Бога!—объясняла равноапостольная Нина. Вскорѣ царь Миріанъ, спасенный отъ слѣпоты и страшной бури, застигшей его на охотѣ, и царица, жена его, исцѣленная отъ смертельнаго недуга, по молитвѣ святой, увѣровали въ Христа и стали молиться «Богу Нины». Царь началъ постройку христіанскаго храма на самомъ мѣстѣ могилы Сидоніи, гдѣ и понынѣ во Мцхетскомъ соборѣ народъ поклоняется священному столбу, воздвигнутому на мѣстѣ, гдѣ погребенъ хитонъ Господень. Когда всѣ жители Мцхета окрестились, св. просвѣтительница Нина ушла проповѣдывать христіанство въ Кахетію, и тамъ умерла. Мощи ея покоятся въ церкви Бодбійской, недалеко отъ Телава, а принесенный ею крестъ изъ виноградной лозы, связанный ея же волосами, сохраняется въ древнемъ Тифлисскомъ Сіонскомъ соборѣ.

Спустя полтора ста лѣтъ послѣ св. Нины, въ V вѣкѣ послѣ Рождества Христова, пришли въ Закавказье изъ Сиріи тринадцать св. Отцевъ грузинской церкви; проповѣдью, и чудотвореніями они окон-

чательно утвердили православіе въ краѣ. Глава ихъ, св. Іоаннъ Зедазенскій, названъ такъ потому, что онъ нарочно поселился на той самой горѣ, неподалеку отъ Тифлиса, гдѣ еще стоялъ идолъ Зеда и его капище, чтобъ уничтожить окончательно язычество.

Разъ привели на ту гору нѣсколькихъ дѣтей на закланіе въ жертву грозному божеству. Огонь уже пылалъ на жертвенникѣ, уже жрецъ занесъ мечъ надъ ихъ головами, какъ вдругъ старецъ Іоаннъ вышелъ изъ дремучаго лѣса и осѣнилъ крестомъ несчастныхъ дѣтей. Въ ту же секунду грянулъ громъ и молнія въ дребезги разбила идола и повергла на землю жреца его. Всѣ, въ трепетѣ, пали на колѣни и благоговѣнно стали слушать проповѣдь святаго о Богѣ любви и милосердія, воспретившемъ убійства, а дѣтей повѣлѣвшемъ любить и просвѣщать, въ духѣ добра и святой истины. Народъ толпами стекался слушать проповѣдь его и матери — грузинки были первыя, принявшія ученіе Іоанна Зедазенскаго и пламенно распространявшія вѣру кротости и любви.

Съ высоты своей горы, гдѣ онъ жилъ долгіе годы и умеръ, глава остальныхъ двѣнадцати Сирійскихъ святыхъ благословлялъ ихъ всѣхъ селиться въ разныхъ мѣстахъ края, чтобы скорѣе обратить всѣхъ жителей въ истинную вѣру. Нап-

болѣе извѣстные сподвижники св. Іоанна въ Грузіи, — св. Давидъ Гарреджійскій, св. Антоній Марткобскій и св. Шіо.

Гарреджійская пустынь находится въ Кахетіи, но въ самомъ Тифлисѣ есть монастырь св. Давида, выстроенный на Мта-Цминдѣ, то есть «святой горѣ», возлѣ пещеры, въ которой долго жилъ святитель. Марткоби, монастырь св. Антонія, лежитъ въ 25 в. отъ Тифлиса. Такъ какъ преданіе говоритъ, что дикія козы кормили пустытника Марткобскаго молокомъ своимъ, то охота въ окрестностяхъ обители запрещена. Что же касается до Шіомгвимъ, то есть до «пустыни св. Шіо», то она лежитъ въ почти неприступныхъ горахъ, въ 30 верстахъ отъ Тифлиса, за Мцхетомъ и въ ней находится одинъ изъ древнѣйшихъ храмовъ, если не самый древній въ Грузіи. Преданіе говоритъ, что ему 1,300 лѣтъ, что самъ блаженный Шіо наблюдалъ за постройкой его. Объ этомъ святомъ и его пустыни въ народѣ ходитъ столько чудесныхъ преданій, что ихъ нельзя передать въ небольшомъ разсказѣ. Упомянемъ только объ одной пословицѣ. Когда народъ въ Грузіи хочетъ выразить кому нибудь желаніе полного изобилія, онъ говоритъ: «Да будутъ закромы ваши неистоцимы, какъ марани *) блаженнаго Шіо». Марани Шіо

*) Марани — подвалъ.

вошли въ пословицу потому, что онъ, желая привлечь народъ въ христіанство, чудотворно не дозволялъ запасамъ оскудѣвать въ погребахъ и кладовыхъ монастырскихъ. Самъ же святой жилъ долгіе годы не выходя изъ подземелья и питаясь одной просвирой, которую приносили ему птицы.

По слову тринадцати Сирійскихъ отцевъ Грузія и Арменія окончательно обратились въ христіанскую вѣру и съ той поры такъ твердо ея держались, что никакія гоненія магометанъ не могли поколебать ихъ. Каковы были эти гоненія можно судить потому, что помимо войнъ, грузины и въ мирное время бывали во власти магометанъ. Когда персидскіе шахи населили Грузію Татарами, они, изъ страха, чтобъ страна не возмутилась, дали имъ полную власть надъ жителями. Татарскіе ханы не только имѣли право притѣснять и мучить народъ, какъ хотѣли, но даже убивать царей грузинскихъ. Только съ начала нашего столѣтія, съ приходомъ Русскихъ, Грузины свободно вздохнули, и нынѣ весь край пользуется полнымъ спокойствіемъ. Но чего это спокойствіе стоило нашимъ братьямъ, русскимъ солдатамъ! Теперь то боевое, славное время Кавказа почти забывается. Только старые Кавказцы, пока живы, не забудутъ ни подвиговъ тогдашнихъ воиновъ-героевъ, ни той веселой, разудалой братской жизни, которой жили всѣ го-

рода, крѣпости и станицы Кавказскаго края, во все время его шестидесятилѣтней войны.

Выйдешь, бывало, на улицы Тифлиса въ весенній день, лѣтъ 30 — 40 тому назадъ. Ранній, въ томъ благодатномъ климатѣ разсвѣтъ уже съ февраля мѣсяца зеленить склоны горъ; а на сады, въ которыхъ тогда тонуть весь городъ, набрасываетъ словно прозрачныя, свѣтло-розовыя и бѣлыя покрывала миндальнаго, вишневаго и персиковаго цвѣта. Съ разныхъ сторонъ, съ Саломаской горы, изъ за Авлабарскаго моста на Курѣ, слышатся военная музыка, лошадиный топотъ, грохотъ орудій... Это двинулись, со своихъ зимнихъ стоянокъ, полки и батареи. Какъ бодро и весело, съ пѣснями и молодецкимъ посвистомъ развертываются батальоны, проѣзжаетъ конница, развѣваются знамена, подъ громъ барабановъ и музыки. Толпами встрѣчаетъ народъ своихъ защитниковъ и спасителей. Торговцы, пѣший и конный народъ, ремесленные цехи со своими значками, — все высыпало на встрѣчу войскъ, направлявшихся во вражьи горы на новыя битвы. Оттуда и половинѣ этихъ храбрыхъ воиновъ не суждено вернуться на родину!.. Двадцать-пять лѣтъ тогдашней службы солдатской, да еще на Кавказѣ, среди непрерывной войны, — не было шуткой! Не даромъ все стре-

мится на встрѣчу воинамъ православнымъ. Нѣскольکو дней, бывало, при проходахъ каждаго полка, а тѣмъ болѣе при возвращеніи изъ экспедицій, льется кахетинское вино безъ мѣры; льются привѣтныя, благодарныя рѣчи; разсыпаются угощенья, фрукты, цвѣты подъ ноги побѣдителей. Съ какимъ умиленіемъ глядишь, бывало, на этихъ героев!.. Помню, какъ зимой проходили обратно чрезъ города, въ свои штабъ-квартиры, ополовиненныя ряды оборвавшихся, закоптившихся въ пороховомъ дымѣ солдатиковъ, уставшихъ, израненныхъ, но все такихъ же бодрыхъ, такъ-же готовыхъ снова идти на бой и жизнь свою положить «за Царя—за Русь святую,» за единовѣрныхъ братьевъ-грузинъ.

Пойдутъ, бывало, одушевленные рѣчи: рассказы объ Архипахъ Осиповыхъ *), да о Гаврилахъ Сидоровыхъ или имъ подобныхъ удалцахъ. Смѣхъ, и веселыя прибаутки пересыпаютъ безхитростныя описанія великихъ подвиговъ; часто перемежаясь съ слезой умиленія, съ широкимъ,

*) Архипъ Осиповъ взорвалъ Михайловское укрѣпленіе, чтобъ не сдаться неприятелямъ въ 1837 г. Гаврила Сидоровъ, Эриванскаго полка, предложилъ въ 1806 г., подъ Елисаветполемъ перевезть черезъ оврагъ пушки по спинамъ солдатскимъ и при перевозѣ послѣдней, зацѣпившей его за голову, погибъ жертвой своей геройской выдумки.

задушевнымъ крестомъ и пожеланіемъ царствія небеснаго павшему товарищу или командиру.

Сколько переживалось чувствъ: горя—за погибшихъ, страха за всѣхъ и гордости за павшихъ и живыхъ, во время разказовъ объ подвигахъ и беззавѣтномъ мужествѣ славныхъ войскъ нашихъ. Незабвенное для Русскихъ и Грузинъ, великое было время!

Теперь посмотримъ, каковъ тотъ народъ, за котораго столько хорошихъ, честныхъ русскихъ людей легло костями во вражьихъ дебряхъ татарскихъ.

Грузинъ въ большинствѣ честенъ, храбръ и безопасно добръ,—это простодушный, гостепріимный и веселый народъ. Одна ихъ бѣда, что они не предприимчивы и лѣнны. Любятъ въ праздникъ кутнуть во славу Божью, а въ будень погрѣться на солнышкѣ, распластавшись предъ дверью или на плоской земляной крышѣ своего дома-сакли. Любитъ онъ выкурить трубочку-другую съ пріятелемъ въ тѣни своего виноградника или подъ сѣнью громаднаго орѣшника, за кувшиномъ добраго кахетинскаго винца; а не то и просто, присѣвъ подъ колючимъ деревенскимъ заборомъ, *)

*) Заборы въ Грузіи всегда плетутся изъ очень колючихъ кустовъ, съ большими шипами и любимая поза простаго народа сидѣть на корточкахъ.

забывъ въ добродушной бесѣдѣ съ сосѣдомъ о томъ, что запасы дома покончились, а полоса стоитъ не вспаханная... Впрочемъ немного ему нужно и семья его довольна: питается чуть не круглый годъ на подножномъ корму, разными травами да зелеными плодами, а этого добра, благодареніе Богу вдосталь!... Климатъ благодатный, чуть не даровое вино, овощи и фрукты, избаловали Грузина. Работать онъ не любитъ, торговать за стыдъ почитаетъ. Не только вся торговля, но почти всѣ ремесла и даже полевые работы и садоводство,—все въ рукахъ болѣе дѣятельныхъ Армянъ, Грековъ и Татаръ.

Грузины очень суевѣрны: вся жизнь человѣка, отъ самаго его рожденія и до похоронъ, проходитъ среди разныхъ обрядовъ, повѣрій и предзнаменованій.

Во время рожденія ребенка на свѣтъ, его мать окружаетъ такой шумъ, пиръ и веселье родственниковъ и сосѣдокъ, такая стрѣльба изъ ружей, крики и пьяное пѣнье, что удивительно, какъ могутъ роды женщины-грузинки обойтись благополучно. Пальбу на крышѣ, во дворѣ и кругомъ всей сакли поднимаютъ мушкетеры, тоже родственники и знакомые, которые обязаны 15 дней охранять родильницу отъ нечистой силы и выстрѣлами отгонять «змія», летающаго кругомъ матери

и младенца. Если родится сынъ, отецъ и вся семья въ восторгѣ и пируютъ безъ конца. Если же дочь, никто ей не радуется; а если въ семьѣ подь рядъ нѣсколько дочерей, то это считается великимъ несчастіемъ и бѣдные родители бьются въ отчаяніи.

Больше всего на свѣтѣ Грузинъ любитъ попировать съ гостями: одинъ онъ ѣсть очень мало, пьетъ гораздо больше, потому что вино ему съ дѣтства привычно; но для компаніи никогда не задумается истратить сразу весь запасъ провизіи, какой найдется въ домѣ. «Гость дороже друга!» говоритъ ихъ пословица: для гостей — послѣдняя копейка ребромъ! На скатертяхъ или коврахъ, разостланныхъ среди пола дорбаза, — лучшей комнаты въ домѣ, — разставлено множество кушаній, разбросаны фрукты, цвѣты; откупоривается послѣдній кувшинъ кахетинскаго, — это значитъ семья готовится принимать гостей. Такихъ кувшиновъ, какъ въ Грузіи, въ особенности въ Кахетіи, простаивающихъ иногда долгіе годы зарытыми въ землѣ, въ ожиданіи очереди, — русскому человѣку и представить трудно. Въ этихъ кувшинахъ иногда вмѣщается до 200 ведеръ вина. Не чарками и не стаканами пьютъ вино Грузины, а совсѣмъ особой посудиною: турьими рогами въ серебряной оправѣ, въ кото-

рыхъ помѣщается отъ трехъ до пяти бутылокъ. На пирахъ, послѣ вина, самое необходимое—музыка и пѣніе. У нихъ много струнныхъ инструментовъ и есть присяжные пѣвцы,—сазандары, у которыхъ кромѣ пѣнія, и ремесла другаго нѣтъ. Сазандары свое дѣло знаютъ и любятъ. Поютъ они и своего сочиненія пѣсни въ похвалу присутствующихъ: выхваляютъ красоту хозяйской дочери или ловкость его сына, джигита — наѣздника, или храбрость и мудрость самого хозяина; поютъ и старыя пѣсни—былины, про древніе подвиги и битвы, про славныхъ царей и великую царицу Тамару. Преданіями и пѣснями о Тамарѣ, ея имени замками, развалинами церквей и башенъ, которыя она строила, полна вся Грузія. Сазандара всегда обступаетъ толпа любопытныхъ и слушаетъ его съ наслажденіемъ.

Для танцевъ, для ихъ захватской лезгинки, нужна другая музыка,—духовая, съ барабаномъ и прихлопываніемъ въ ладоши: грузинская визгливая зурна. Кто не привыкъ къ зурнѣ, къ ея рѣзкому писку и грому, тотъ заткнетъ себѣ уши и убѣжитъ отъ нея; но у жителей Грузіи безъ зурны не обходится ни одинъ праздникъ. На большихъ пирахъ женщины обыкновенно не присутствуютъ: онѣ держатся особнякомъ, пируютъ сами по себѣ, но въ прежніе годы этого обычая держались строже. Од-

нако не только въ деревняхъ, но и во многихъ городахъ можно еще видѣть порой, яснымъ вечеромъ, на кровлѣ какой нибудь сакли, стройную фигуру Грузинки, съ бубномъ въ рукахъ. Она летаетъ по крышѣ подъ звукъ уличной зурны и ей дружно хлопаютъ въ ладоши всѣ собравшіеся поглазѣть на нее. Иногда танецъ затѣвается и возлѣ дома, на улицѣ, и тогда случается, что изъ толпы зѣвакъ выскакиваетъ какой нибудь удалецъ-танцоръ и, ухорски заломивъ на бекрень свою баранью шапку, козыремъ увивается вокругъ танцорки.

Ловкость этихъ любителей-плясуновъ доходитъ до того, что они схватываютъ полный стаканъ вина, ставятъ его себѣ на голову и продолжаютъ отплясывать лезгинку; такъ мастерски и такъ плавно носятся они мимо восхищенныхъ зрителей, что ни одна капля не проливается. Зато какимъ восторженнымъ громомъ похвалъ и битья въ ладоши, осыпаютъ танцора, когда онъ, закончивъ пляску, молодецки, однимъ залпомъ выпиваетъ вино!..

Въ особенности безъ устали пируютъ на свадьбахъ. Изъ среды гостей выбирается самый веселый удалецъ, его зовутъ «тулумбашъ», то есть: распорядитель пира. Этотъ тулумбашъ никому не позволить мало ѣсть или пить не до отвалу. Кто не допьетъ поднесеннаго вина, тому онъ выливаетъ его на голову или за пазуху. Онъ

и самъ долженъ пить больше всѣхъ, но пьянѣть никакъ не смѣетъ. Грузины вообще рѣдко пьянѣютъ; въ тулумбаши-же никогда не выберутъ того, кто до конца пира, сколько бы ни пилъ, не останется также бодръ и свѣжъ, какъ въ началѣ пиrowанья. Свадьбы Грузинамъ обходятся дорого, потому что кромѣ пира на нѣсколько дней, всѣ должны еще откупаться другъ отъ друга деньгами и подарками: молодой дарить молодую, ея родныхъ, священника, прислугу; молодая—жениха, друзей, гости—молодыхъ и всю ихъ родню. Когда все приходитъ въ порядокъ, для бѣдной молодой наступаетъ тяжкое время. Она должна служить мужу, угождать роднѣ его и молчать,—молчать, не открывая рта. Она не смѣетъ говорить ни съ кѣмъ въ мужниной семьѣ, пока не родится у нея ребенокъ. Тогда только обѣтъ молчанія съ нея снимается. Теперь, разумѣется, обычай этотъ поослабъ, особенно въ городахъ, но деревенскіе жители и по нынѣ слѣдуютъ во всей строгости дѣдовскимъ завѣтамъ.

Очень интересны обряды Грузинъ при богомольяхъ. Въ иной храмъ, въ какойнибудь горной трощобѣ, цѣлый годъ зарастаетъ тропа,—въ престольный же праздникъ туда тянутся сотни и тысячи народа. пѣшкомъ, верхомъ и на арбахъ. Въ большихъ монастыряхъ устраиваются цѣлыя ярмар-

ки и празднество продолжается нѣсколько дней. 1-го октября, на примѣръ, въ день Покрова Богородицы поль-Тифлиса и всѣ окрестныя деревни переселяются во Мцхетъ. Обширный церковный дворъ представляетъ тогда самую оживленную картину, словно лагерь какой или цыганскій таборъ. Всюду палатки и арбы, покрытыя войлоками; ковры на травѣ разостланы; разложены костры и вокругъ нихъ суетятся люди, жарятъ и варятъ. Въ промежуткахъ между церковными службами стонъ стоитъ отъ пѣсень, зурны и задравныхъ кликовъ; во всѣхъ углахъ—лезгинка, пѣвцы-сазандары, пированіе. Всѣ пирующие гостеприимно зазываютъ къ себѣ каждаго прохожаго: мужчины должны выпить стаканъ вина, женщины или дѣвушки тоже хоть губы омочить въ азарпешу *) и принять цвѣтокъ: безъ цвѣтовъ въ Грузіи никогда не обходятся праздники. Самое любимое грузинское дѣло пировать въ садахъ въ зелени и украшать скатерти цвѣтами, искусно сложенными треножниками изъ розъ, лилій и бѣлаго жасмина. Даже арбы, повозки и тарантасы, въ которыхъ туземцы ѣздятъ на храмовые праздники, всегда украшены вѣтками зелени и цвѣтами.

*) Азарпеша—особая чарка для вина, въ родѣ разливательной суповой ложки.

Случилось намъ разъ быть въ Кахетіи, на большомъ храмовомъ съѣздѣ, въ Ацхурскомъ храмѣ Тетри-Георгія, то есть Георгія Бѣлаго, названномъ отъ мраморной бѣлой плиты, на которой высѣчено святое изображеніе. Георгія Побѣдоносца чтуть не только христіане, но и Татары. Мусульмане почитаютъ въ немъ великаго воина, поразившаго врага — дьявола; это впрочемъ не мѣшало сосѣднимъ Лезгинамъ много разъ грабить церковь, убивать и уводить въ плѣнъ богомольцевъ.

Въ этотъ день, 13 августа, съѣздъ бываетъ у Тетри-Георгія большой. Изъ Телава, Сигнаха и окрестныхъ деревень, съ Алазанской долины и съ горъ Лезгинскихъ, отовсюду народъ спѣшилъ толпами, конный и пѣшій. За каждой арбой шли на привязи будущія жертвы святаго:—безъ жертвоприношеній въ Закавказьѣ не обходится ни одно богомолье. Кто вель бычка, кто барана; кто несъ домашнюю птицу или хотъ нѣсколько левашей и чурековъ, — плоскихъ лепешекъ, которыя Грузинамъ и Татарамъ замѣняютъ хлѣбъ. Чѣмъ ближе къ мѣсту, тѣмъ оживленнѣе картина. На однихъ арбахъ слышится смѣхъ и говоръ; на другихъ — вздохи и стоны: это значить, что на нихъ везутъ больныхъ. Многіе богомольцы, особенно женщины, идутъ по обѣщанію, пѣшкомъ и босыми, а то и съ желѣзными обручами

на шеѣ, съ очень тяжелыми веригами, которые можетъ снять только священникъ, при входѣ въ храмъ, принявъ отъ давшего обѣтъ посильную жертву и такимъ образомъ разрѣшивъ его узы.

Быль чудесный вечеръ. Жара уже спала; лѣса и горы горѣли въ заревѣ заходившаго солнца. На церковномъ дворѣ, гдѣ была намъ приготовлена палатка для ночлега, мы застали ярмарку уже въ полномъ разгарѣ. Евреи и Ариане еще за недѣлю настроили тутъ шалашей, поразвѣшали красныхъ платковъ, зеркаль и пестрыхъ бусь-стекляшекъ. Теперь шла дѣятельная мѣна. У глупыхъ горянокъ разбѣгались глаза на эту дешевую дрянь. Онѣ схотно мѣняли на нее свои добротныя домашнія издѣлія: войлоки, ковры, бурки. Въ церкви шла уже всеобщая. Тамъ яблоку негдѣ было упасть, а народъ то и дѣло напиралъ и протискивался между раскраснѣвшимися отъ жару, задыхавшимися богомольцами. Мы только издали взглянули на ярко горѣвшій сіявшемъ сотенъ свѣчей иконостасъ и прошли на другую сторону церкви, къ боковымъ дверямъ.

Здѣсь принимаются жертвы отъ всего множества народа, столпившагося съ живностью въ этомъ уголкѣ церковнаго двора. Каждый по очереди, подходитъ къ священнику, таща за собой на веревкѣ приношеніе. Священникъ въ полномъ облаче-

ни, съ причтомъ держать въ рукахъ зажженныя свѣчи. Будущую жертву, овцу или теленка, окуриваютъ ладаномъ изъ кадилаицы, поджигаютъ ей на лбу шерсть и уводятъ. Если на богомольцѣ-жертвователѣ надѣты вериги, дьяконъ ихъ торжественно снимаетъ; священникъ даетъ поцѣловать крестъ, возглашая: «Прійми, святой Побѣдоносець, сію малую жертву раба твоего и отпусти ему прегрѣшенія его!». Женщины, пришедшія по обѣту, почти всѣ одѣты въ бѣлое. Изувѣрство ихъ доходитъ до того, что онѣ ложатся поперегъ церковныхъ дверей на полъ, пользуясь страшной тѣснотой, за которой ихъ не видно, и стараются, чтобъ каждый входящій наступалъ на нихъ. Чѣмъ болѣе будетъ такая «жертва св. Георгія» изранена и избита, тѣмъ больше ей простится грѣховъ. Есть и другаго рода жертвы: мы видѣли «избранницу Бѣлаго Георгія», въ молодой женщинѣ, которую обружала цѣлая толпа людей, въ священномъ ужасѣ смотрѣвшихъ на танецъ ея въ честь святаго. Часъ — два пляшетъ безъ усталы «избранница», изгибаясь, кружась и летая по широкому двору. Всюду предъ ней разступается народъ и благоговѣнно обнажаютъ головы. Когда же обезсиленная, полумертвая падаетъ она и мечется по травѣ, часто въ судорогахъ и конвульсіяхъ, — обружающая толпа въ ужасѣ разбѣгается. Никто не

протянетъ руку помощи несчастной, потому что все убѣждены, что тѣмъ сильнѣе страданія «ниспосланныя ей Бѣлымъ Георгіемъ», тѣмъ, значить, она грѣшнѣе. Суевѣріе часто дѣлаеть самыхъ добрыхъ людей жестокими!

Между тѣмъ прозрачная лѣтняя ночь смѣнила блестящій вечеръ. Окрестности и весь церковный дворъ озарились разноцвѣтными фонарями и кострами, вокругъ которыхъ группы богомольцевъ устраивались не на ночлегъ, — (кому заснуть въ эту веселую, короткую ночь)? — а на ужинъ и пированіе. Вездѣ жарятся шашлыки, идутъ въ круговую азарпешы и турьи рога. Во славу св. Георгія подымается кутежъ. А въ дальнемъ углу двора подъ крытымъ навѣсомъ, тоже въ его славу, началась бойня жертвъ. Туда провели вслѣдъ за священникомъ лучшую жертву: молодого бычка съ двумя зажженными свѣчами на рогахъ и толпа повалила за ними наблюдать, чья жертва будетъ пріятнѣй святому. Если животное падетъ съ перваго удара кинжаломъ въ шею, — это хорошо! Если же оно бьется, противится, въ народѣ ропоть: «Святой Георгій недоволенъ!.. Жертва вѣрно принесена не отъ чистаго сердца!..» Такіе обычаи остались здѣсь еще со временъ язычества; но они все-таки не мѣшаютъ грузинамъ быть хорошими христіанами.

Городскіе жители любятъ цѣлые дни проводить въ лавкахъ и на базарахъ. Въ Грузіи жизнь чисто уличная. Жаркій климатъ пріучилъ туземцевъ мало бывать въ домахъ. Вся домашняя жизнь идетъ во дворахъ, на широкихъ балконахъ, на крышахъ плотно убитыхъ землею; даже у бѣдняковъ, на улицахъ передъ саклями. Въ дома переносятся развѣ на короткую зиму да и то стряпня и домашняя работа, а праздное время не только мужчины, но и женщины любятъ проводить не въ зданіяхъ.

Разсѣвшись рядкомъ подъ стѣнкой дома, прямо на землю, простыя Грузинки съ наслажденіемъ проводятъ цѣлые часы въ бесѣдахъ съ сосѣдками. За перебираниемъ четокъ, которыхъ туземки никогда изъ рукъ не выпускаютъ, за пережевываніемъ бѣвы, бѣлой смолы, которую жевать они тоже цѣлые дни не перестаютъ и за перемываніемъ чужихъ косточекъ время летитъ незамѣтно. Мужья, въ это время на торгахъ, да базарахъ. Пройдась по улицамъ и площадямъ любого города въ Закавказьи, вы увидите все, чѣмъ заняты его торговцы и ремесленники въ своихъ открытыхъ лавкахъ и мастерскихъ. Переднихъ стѣнъ въ нихъ нѣтъ: все наружу. Вы можете покупать, заказывать; смотрѣть какъ шьютъ, вуютъ, выдѣлыва-

ють оружіе, портняжничаютъ, стряпаютъ въ харчевняхъ, — все это не сходя съ улицы.

Грузины вообще не чистоплотны: бѣлье носятъ, пока оно не распадется въ клочья, а ихъ верхнее платье, архалуки да чохи, всегда лоснятся. Но въ праздникъ любятъ принарядиться въ яркій кашаусовый архалукъ, въ чоху съ откидными рукавами на шелковой подкладкѣ, обшитую позументомъ, съ серебряными патронами на груди и кинжаломъ въ богатой, подъ чернью, оправѣ за серебрянымъ поясомъ. Оружіе любитъ и цѣнить Грузинъ больше всего на свѣтѣ.

У Грузинъ много общественныхъ забавъ и народныхъ игръ. На первомъ планѣ борьба силачей и кулачные бои. Въ кулачныхъ бояхъ все дворянство и князья, еще не такъ давно, любили принимать участіе. Наблюдать и распорядиться битвами, особенно въ «Шахскій праздникъ», бывавшій въ чистый понедѣльникъ каждаго года, считалось великимъ удовольствіемъ. Въ этотъ день Тифлисъ дѣлился на два лагеря. Всѣ горожане избирали своего «Шаха» и представителей каждой улицы, съ своими знаменами, и, собравшись за городомъ, затѣвали настоящее сраженіе, кончавшееся разумѣется пиромъ. Князь Циціановъ, намѣстникъ кавказскій изъ Грузинъ, всегда выѣзжалъ верхомъ со своей свитой, полюбоваться на борьбу удалцовъ. Былъ

въ его время знаменитый боець Саато, который не зналъ себѣ соперника въ Шахской битвѣ или въ «Мугита-криви», то есть въ кулачномъ сраженіи. Хотя оружіе строго воспрещалось въ такихъ бояхъ, но дубинки и камни его успѣшно замѣняли,—что и сказалось надъ бѣднымъ храбрецомъ и слачемъ Саато. Бѣднягъ выбили глазъ камнемъ изъ пращи, такъ что онъ едва не умеръ. Борьбу силачей также любятъ и въ деревняхъ. По большимъ праздникамъ каждая деревня выставляетъ своего бойца, какъ представителя; помѣщики выѣзжаютъ на поле судьями и зрителями и происходитъ схватка. Торжество борца празднуютъ и побѣду раздѣляютъ съ нимъ всѣ его односельчане.

Изъ всѣхъ большихъ годовыхъ праздниковъ Новый годъ у Грузинъ встрѣчается всего веселѣй. Всю ночь, съ вечера 31 декабря, стрѣльба не утихаетъ: это молодежь провожаетъ старый годъ, а новый встрѣчаетъ. Для продавцовъ сластей и фруктовъ канунъ 1-го января—самый доходный день въ году. Самая бѣдная Грузинка, на послѣднія копейки, закупаетъ въ этотъ вечеръ меду и всякихъ сластей; печеть, по числу своей семьи, для каждаго хлѣбъ счастья, съ изюмомъ и миндалемъ; варить гузенаки, орѣхи съ медомъ и разсылаетъ тарелки съ ними всѣмъ роднымъ и знакомымъ. Они ей тоже шлютъ въ отвѣтъ, съ

пожеланіями сладко встрѣтить и провести наступающій годъ. По улицамъ движеніе, яркій свѣтъ, крики продавцовъ, выхваляющихъ свой товаръ. Двери во всѣхъ домахъ растворены настежь, чтобъ гуляющее въ эту ночь по бѣлому свѣту счастье, зашло отдохнуть въ домъ свободно. Особенно торжественно празднуются годовые и семейные праздники въ Имретіи, Мингреліи и Гуріи. Хотя собственно жители Карталиніи богобоязненнѣе и гораздо честнѣй жителей Кутаисской губерніи, которые не безъ причины славутъ большими ворами и даже разбойниками, но семейныя чувства, повиновеніе и уваженіе къ старшимъ, у тѣхъ еще больше развиты. Молодежь тамъ никогда не позволить себѣ грубаго слова, никогда даже не сядетъ, не только въ присутствіи отца съ матерью, но и всякаго пожилаго родственника или старшаго брата. Свадьбы и крестины тамъ стоятъ еще дороже, чѣмъ въ Тифлисской губерніи, а похороны и поминки просто разоряютъ бѣдняковъ. Кромѣ всѣхъ обычныхъ расходовъ, семья умершаго во многихъ мѣстахъ Грузіи должна нѣсколько дней кормить и поить десятки, иногда сотни родственниковъ и знакомыхъ, отвсюду семьями съѣзжающихся на поклонъ умершему или его поминовенье. Вытье, голошеніе и причитанья подымаются такія, что ихъ слышно за версту. Самые дикіе обряды сопро-

вождають покойника въ могилу. Богатые люди обшивають и одаривають все свое родство и нанятых плакальщицъ траурными одеждами и часто, вмѣсто благодарности, выслушиваютъ упреки и брань, если какой-нибудь жадной кумушгѣ-плакальщицѣ не понравятся подарки. Несчастливымъ женамъ, да матерямъ умершаго приходится со-всѣмъ плохо: многія послѣ похоронъ сами бо-лѣють не отъ одного горя. Хорошимъ вдо-вамъ приходится во первыхъ исцарапать себѣ всю грудь и лицо въ кровь, потомъ вырвать по-ловину волосъ, каждый день справляя съ кумуш-ками «плачь» и посыпая себѣ голову пепломъ. Вдова шесть недѣль не смѣетъ мыться и чесаться, и—что всего ужаснѣе—такое же время просидѣть на одномъ мѣстѣ, на голомъ полу, не вставая. Впрочемъ всѣ эти обряды теперь съ каждымъ го-домъ выводятся.

Трудно себѣ представить, какое множество пре-даній и суевѣрій существуетъ въ Грузіи. Нѣко-торыя странные обряды бросаются въ глаза даже въ городахъ и въ самомъ Тифлисѣ. Какъ, на-примѣръ, ограждать дома свои отъ вѣдьмъ, въ четвергъ на страстной недѣлѣ? Всякой богобояз-ненной Грузинкѣ извѣстно, что въ этотъ день всѣ колдуньи ловятъ кошекъ и летаютъ на нихъ вер-хомъ на снѣжную вершину Эльбруса, справлять

свой шабашъ. Поэтому въ страстной четвергъ всюду раздаются страшное мяубанье запертыхъ въ сундукахъ и чуланахъ кошекъ. Кромѣ того всѣ двери, окна и трубы ограждаются крестомъ изъ вѣтокъ шиповника; хозяева бросаютъ вѣтку этого, ненавистнаго вѣдьмамъ растенія въ костеръ. Костры въ четверговый вечеръ горятъ во всѣхъ дворахъ и каждый мужчина въ семьѣ отъ 5 до 60 лѣтъ обязанъ три раза перепрыгнуть чрезъ пламя, чтобъ оградить себя отъ чаръ и заговоровъ.

Точно также и полевая работа сопровождается разными обрядами и примѣтами. Осенью сборъ винограда, самое веселое время года по деревнямъ. Покончивъ съ хозяйственными хлопотами, всѣ ѣздятъ другъ къ другу въ гости. Начинается работа буйволамъ, впряженнымъ въ тяжелыя, двухколесныя, скрыпучія арбы, въ которыхъ цѣлыя семьи переѣзжаютъ изъ деревни въ деревню; работа также и домовымъ хозяйкамъ, а въ особенности трудная работа молодцамъ-тулумбашамъ: у нихъ должны литься безъ мѣры и вино и веселыя рѣчи, на потѣху честной компаніи.

Короткая, теплая зима проходитъ почти въ бездѣйствіи. Семьи грѣются вокругъ мангаловъ— жаровень съ горячими угольями, или у каминовъ, — и поджидаютъ праздниковъ. Въ половинѣ зимы, въ самые наши крещенскіе морозы, во многихъ

мѣстахъ Закавказья такая теплынь, что въ поляхъ ужъ расцвѣтають бѣлые и малиновые первоцвѣты (вюкусы и цигламены). Ужъ на крещенскомъ водосвятіи солнце почти всегда такъ припекаетъ, что въ Александровскомъ саду, по дорогѣ процессіи и на Михайловскомъ мосту, тѣснящемуся народу становится жарко.

Это очень красивая картина: внизу на лѣво отъ моста, на Курѣ выстроены павильоны для водосвятія; къ нему сводитъ дорога, по обычаю усаженная ельникомъ. Ниже, по другую сторону, тоже на правомъ берегу, другой павильонъ, — армянской церкви. За ними высится городъ, сады, церкви, до половины св. горы, Мта-Цминды, которая раскинулась, какъ шатеръ надъ Тифлисомъ, со своимъ монастыремъ св. Давида на полу горѣ. По берегамъ рѣки и по мосту уже съ утра самага толпами стоитъ, ожидаетъ экзарха, (грузинскаго архіепископа), конный и пѣшій народъ. Множество войскъ выстроено вдоль праваго берега. Въ ожиданіи сигнальной ракеты солдаты стоятъ неподвижно.

Вотъ приближается изъ Сіонскаго собора, спускаясь съ горы, торжественная процессія, съ древними Иверскими иконами впереди, съ хоругвями и многотысячной пестрой толпой. Блестящая военная свита окружаетъ Намѣстника Кавказскаго.

Намѣстникъ идетъ тотчасъ вслѣдъ за балдахиномъ преосвященнаго. Генеральскіе мундиры, ленты, ордена, эполеты, аксельбанты, позументы, яркія чохи, красныя черкески конвойныхъ казаковъ, разряженная толпа въ самыхъ разнообразныхъ, блестящихъ костюмахъ:—все это переливается, блеститъ въ яркихъ лучахъ солнца, развивается безконечной лентой внизъ по горѣ, къ павильону. Вотъ вступилъ въ него эвзархъ, снялъ крестъ съ сѣдовласой головы,—началась служба. Вотъ онъ благоговѣнно опускается на колѣни и погружаетъ крестъ въ мутныя струи Куры...

Взвилась ракета. Весь городъ содрогнулся, откликнулось эхо всѣхъ окрестныхъ горъ на дружный залпъ нѣсколькихъ тысячъ ружей. Не только пѣшіе, но множество коннаго люда, стремглавъ бросаются въ воду и несутся внизъ быстрымъ теченіемъ, разсѣвая волны богатырскими взмахами рукъ, съ пронзительными побѣдными кликами.

Стонъ стоитъ надъ Курою и городомъ! Всѣ высокія горы и всѣ глубокія ущелья, долгимъ грохотомъ вторять ему и далеко разносятъ пальбу и общее ликованіе.

Такъ празднуетъ святое крещеніе народъ грузинскій, за одно со всей православной Россіей,—съ каждымъ городкомъ и каждымъ сельскимъ при-

ходомъ, на каждомъ ручьѣ и каждой рѣчкѣ нашего многоземельнаго отечества.

III. Объ остальныхъ жителяхъ Кавказскаго края.

Кромѣ Грузинъ, составляющихъ едва десятую часть народонаселенія, въ этомъ краѣ такое множество жителей различныхъ народностей, что всего о нихъ сразу не рассказать. Невозможно даже обо всѣхъ ихъ упомянуть въ такомъ небольшомъ разказѣ. Намъ придется только представить житье-бытье главнѣйшихъ изъ нихъ.

1. Объ Армянахъ.

Первое мѣсто безъ сомнѣнія должно принадлежать Армянамъ, какъ самому многочисленному, даровитому и дѣятельному населенію края. Армяне одинъ изъ старѣйшихъ народовъ въ мірѣ. Они, какъ и Грузины, въ началѣ были идолопоклонниками, главнымъ образомъ чувствуя и боготворя огонь, какъ и сосѣди ихъ Персіяне, которые, до обращенія въ магометанство, почти всѣ были огнепоклонниками.

Ихъ просвѣтитель, св. Григорій, пришелъ въ Арменію нѣсколько ранѣе, чѣмъ св. Нина въ Гру-

зію. Онъ былъ тамъ не чужеземець, а кровный Армянинъ, изъ дворянскаго рода, спасенный въ дѣтствѣ вѣрной кормилицей своею отъ избіенія всѣхъ своихъ родичей. Она увезла младенца во владѣнія Римлянъ, гдѣ уже всѣ были христіанами; его обрестили и дали ему имя Григорія, а когда онъ вернулся въ свое отечество, первой заботой его было обратитъ царя армянскаго Тиридата и всѣхъ своихъ соотечественниковъ въ истинную вѣру. Это не легко далось ему. Въ началѣ царь, разгнѣванный тѣмъ, что св. Григорій отказался отъ участія въ приношеніи жертвы одной языческой богинѣ, то приказалъ броситъ его въ яму, наполненную гадами. Тамъ святой, чудомъ Божиимъ, прожилъ 14 лѣтъ, питаясь людскимъ подаяніемъ и вышелъ только тогда когда молитвою своею спасъ царя Тиридата отъ жестокой смерти. Тогда царь и весь дворъ его обратились въ христіанство (въ 303 году); а св. просвѣтитель Григорій, рукоположивъ двѣнадцать епископовъ и еще 30 лѣтъ потрудившись, во славу Христову, надъ утвержденіемъ Армянскаго народа въ истинной вѣрѣ, наконецъ ушелъ въ пустыню, гдѣ много лѣтъ спустя, въ глухой пещерѣ, найдены его мощи.

Самъ св. Григорій положилъ основаніе первой церкви въ Арменіи, на томъ самомъ мѣстѣ, возлѣ

селенія Вагаршапаты, гдѣ видѣль въ чудномъ видѣннїи сошествіе съ небесъ самаго Господа нашего Иисуса Христа.. Храмъ этотъ потому и названъ Эчміядзинъ, т. е. по армянски «Сошелъ Единородный». Это и есть тотъ храмъ, возлѣ Эривани, гдѣ живетъ патріархъ.

Въ Армянскомъ народѣ собственно много хорошихъ качествъ. Они очень религіозны, твердо исполняютъ всѣ постановленія церкви, глубоко почитая вѣру, за которую столько вѣковъ терпѣли тяжкія гоненія и муки отъ обѣихъ своихъ сильныхъ сосѣдогъ: Персіи и Турціи. Они тоже гостепріимны, хотя гораздо расчетливѣй Грузинъ. Семейныя добродѣтели въ нихъ развиты такъ, какъ ни у одного народа. Уваженіе къ старшимъ, любовь и забота о дѣтяхъ, супружеское согласіе, даже и въ нынѣшнія времена общаго упадка нравовъ, нарушаются у Армянъ рѣдко. Еще съ глубокой древности (съ V в.) началось переселеніе Армянъ (уходившихъ отъ Персовъ, обращавшихъ ихъ въ огнепоклонство), въ Европу, особенно въ Россію, Крымъ и Польшу. Торговлей занимались они испоконъ вѣку. Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (въ 1667 г.), образовалась первая армянская торговая компанія. Она избрала Астрахань своимъ главнымъ средоточіемъ, и корабли армянскіе уже и тогда ходили

по Каспійскому морю и Волгѣ, внутрь Россіи, а чрезъ Малую Азію — въ Константинополь и въ Италію.

Армяне, живущіе въ Грузіи, безспорно гораздо дѣятельнѣе и предприимчивѣе ея природныхъ жителей; не только вся торговля края, но и всѣ хозяйственные промыслы, — хлѣбопашество, скотоводство, шелководство, огородничество, садоводство и почти всѣ ремесла находятся въ ихъ рукахъ. Однако-же они плохо умѣютъ обращаться съ большими капиталами и рѣдко берутся за крупныя обороты. Тифлисскіе Армяне даже часто разоряются, оставляя простую торговлю для предпріятій посложнѣе... Они несравненно способнѣй на различныя сдѣлки, на выдумки, подъ часъ очень хитросплетенныя, для скорѣйшей наживы. Особенно мелкіе торговцы большіе плуты и мастера на обмѣръ и обвѣсъ, которые въ грѣхъ себѣ не ставятъ... Зато замѣчательно, что ужь если Армянинъ — честный человѣкъ, — то онъ честенъ до глупости, до щепетильности, до отреченія отъ собственныхъ благъ и самыхъ законныхъ интересовъ. Таковыми бывають чаще всего военные люди изъ Армянъ. Храбры они не менѣе Грузинъ и также стойко отстаивали свою вѣру. Генералы: В. О. Бебутовъ, князь Аргутинскій-Долгорукій, графъ Лорисъ-Меликовъ, Тергукасовъ, освободив-

шій Баязеть въ послѣднюю турецкую войну, Лазаревъ и многіе другіе, могутъ служить лучшими представителями такихъ храбрецовъ. Генераль Тергукасовъ, кромѣ того, былъ одинъ изъ подтвердившихъ сказанное выше о высокомъ безкорыстіи нѣкоторыхъ Армянъ: когда онъ умеръ, его не на что было похоронить!.. А между тѣмъ сколько несчастнымъ онъ помогаль во время войны. Какъ его любили солдаты и боготворили спасенные имъ отъ Турокъ христіане! Вѣчная слава такимъ исключеніямъ! Но между тѣмъ высказанная нами правда объ Армянахъ простолюдинахъ, — все таки остается правдой... Доказательствъ имѣется много; но лучше будемъ указывать на общіе примѣры.

Есть у насъ, въ Нахичеванскомъ уѣздѣ, Эриванской губерніи, на берегу Аракса, армянское селеніе Тумбуль. Это очень зажиточное, даже можно сказать богатое селеніе: почти каждый домъ тамъ полная чаша. Старые Тумбульцы ведутъ жизнь скорѣе купцовъ, оставившихъ торговлю, чѣмъ крестьянъ. Чѣмъ же нажили они такой достатокъ? Ни опредѣленнаго промысла у нихъ нѣтъ, ни хлѣбопашествомъ они особенно не занимаются. И даже есть такая странная особенность въ Тумбулѣ, что вы рѣдко увидите въ немъ молодаго или среднихъ лѣтъ мужчину. Гдѣ же всё они проводятъ

жизнь? Рѣдко, развѣ зимой на короткую побывку, возвращаются на родину братья, старшіе сыновья или молодые отцы семействъ. Иной по мѣсяцамъ, по годамъ и вѣсти о себѣ не подаетъ; однако рѣдкій згинетъ. Почти всѣ къ старости благополучно возвращаются, устраиваютъ свое жилище, разодѣваютъ своихъ въ шелка и бархаты и доживаютъ вѣкъ въ свое удовольствіе. Не честными, а часто преступными промыслами добываются эти средства. Всю жизнь Тумбулецъ, подъ однимъ лии другимъ предлогомъ, нищенствуетъ, собираетъ поборы, обманно обираетъ людъ честной. Съ татарами онъ татаринъ, съ жидами — жидъ, съ христіанами — христіанинъ! Много разъ съѣздитъ онъ въ Мекку на поклоненіе гробу Магомета, много пособираетъ вольной дани съ правовѣрныхъ на гробъ этотъ, но никогда ни полушки туда не попадетъ. Все же онъ всѣ священныя для мусульманъ мѣста обойдетъ подъ личиной святаго дервиша — отшельника. Потомъ вдругъ перемѣна. Вы видите идетъ онъ уже въ рубищѣ христіанскаго монаха: идетъ смиренно, съ книжечкой, на Аѳонскую обитель и, по объѣту собираетъ; въ Іерусалимъ въ десятый разъ пробирается. Обираетъ онъ міръ честной, справа и слѣва, особенно русскихъ легковѣрныхъ бабъ. Иная послѣдній грошикъ ему тащитъ, прося ко гробу Господню свѣчку

поставить за упокой родителей. Последнимъ кускомъ подѣлится она со святымъ человѣкомъ, не наивится его испостившемуся виду, его христіанскимъ подвигамъ. Въ самомъ дѣлѣ Тумбульскіе Армяне словно созданы для избранной ими профессіи: сухіе, длинные, съ распущенными по плечамъ волосами, съ черными, быстрыми, но всегда смиренно опущенными глазами. Идетъ онъ, воды не замутитъ, всѣмъ низко кланяется, четки перебираетъ, а самъ непрерывно бормочетъ молитву. И такъ бривляясь и нагувая людей, странствуетъ онъ долгіе годы, питаясь и существуя на даровщину. Благодаря своей ловкости и людскому легковѣрью, онъ набираетъ капиталъ и накопитель, къ старости, презрительно состязываетъ. Его нигдѣ уже онъ не истратитъ, принесетъ въ родное гнѣздышко, гдѣ ждутъ его и встрѣтятъ съ великимъ почетомъ. Вотъ отчего и процвѣтаетъ Тумбуль.

Впрочемъ надо замѣтить, что Тумбульцы не русскіе Армяне, хотя и живутъ въ Россіи: они выходцы изъ Персіи. Въ противоположность Грузинамъ, сохранившимъ всю свою народную цѣлность (быть можетъ потому, что живутъ скученно, въ своей родной землѣ) Армяне, разсыпанные по всему бѣлому свѣту, легко перенимаютъ нравы, одежду и обычаи тѣхъ народовъ, съ которыми живутъ. Въ Турціи Армянина не отличить отъ Тур-

ка; въ Персіи онъ Персіянинъ, въ нашихъ татарскихъ провинціяхъ — лишь вѣрой своей отличается отъ Татарина. Есть у насъ на Кавказѣ, въ Кубанской области, городокъ Ермавиръ, гдѣ жители — выходцы изъ Черкессіи, Армяне, — чистокровные горцы съ виду и по обычаямъ. Восприимчивы они очень и податливы по внѣшности — однако характеръ свой сохраняютъ вездѣ. Армяне Моздокскіе, Кизлярскіе и Нахичеванскіе — на Дону совсѣмъ утратили и одежду, и обычаи народныя, — но все же не такъ сливаются съ Русскими, какъ Армяне живущіе въ Грузіи слились съ Грузинами. Въ Закавказскихъ городахъ только чернѣйшій народъ говоритъ на своемъ армянскомъ языкѣ, господствующій же языкъ грузинскій и многіе Армяне, въ высшихъ сословіяхъ, совершенно по армянски не знаютъ, особенно женщины.

Одна странная особенность сохранилась у Армянъ: при крещеніи ребенка ему посыпаютъ голову и спину солью. Потому-то Армянъ и бранятъ: «солеными». Они увѣрены, что ребенокъ отъ этого соленья растетъ здоровѣе и крѣпче.

Какъ сказано, нравомъ Грузины съ Армянами несходны, кромѣ присущихъ обоимъ религіозности и воинской доблести; но надо сознаться поистинѣ, что если Грузины вообще искреннѣе и

честнѣе Армянь, то за то послѣдніе несравненно даровитѣе, смышленѣе и талантливѣе. Между Армянами гораздо больше умныхъ и развитыхъ людей. Много прекрасныхъ музыкантовъ, даровитыхъ писателей и художниковъ. Нашъ знаменитый живописецъ Айвазовскій тоже армянинъ.

Армяно - Григоріанское вѣроисповѣданіе, такъ названное отъ ихъ просвѣтителя, св. Григорія, почти ничѣмъ не разнится отъ православнаго.

Есть небольшая разница въ нѣкоторыхъ понятіяхъ объ отвлеченныхъ догматахъ и въ иныхъ обрядахъ при богослуженіи церковномъ, весьма впрочемъ не значительная.

Любовь къ умственному образованію и къ развитію талантовъ, врождена Армянамъ. При Эчмιάдинскомъ монастырѣ есть духовная академія, изъ которой выходитъ почти все высшее духовенство армянское Кавказскаго края. Въ Тифлисѣ у нихъ есть семинарія и много школъ по городамъ и селамъ.

Вотъ еще прекрасная черта въ армянскомъ народѣ: онъ любитъ просвѣщеніе и, несмотря на врожденную бережливость, на образованіе своихъ дѣтей, на школы и всякія богоугодныя и учебныя заведенія, никогда не скупится. На Кавказѣ есть еще Армяне другаго вѣроисповѣданія: армяне-католики; но ихъ, сравнительно, немного и

ни въ чемъ бромѣ вѣры, они отъ своихъ братьевъ не отличаются.

2. Татары и Горцы.

Татары закавказскіе и горцы Дагестанскихъ и Лахзгинскихъ горъ совсѣмъ различный народъ. Хотя тѣ и другіе мусульмане, преданные закону Магомета, но совершенно различныхъ толковъ: горцы суниты, какъ Турки; а закавказскіе Татары, по большей части шииты, какъ Персіане. Вражда между этими двумя сектами сунитами и шиитами продолжается съ самаго ихъ зарожденія, со смерти пророка, законодателя мусульманства.

Умирая въ Меккѣ, въ 632 г. отъ Р. Х. Магометъ не назначилъ себѣ наслѣдника, а сыновей у него не было. Послѣдователи его раздѣлились: одни послѣдовали ученю Абубекра, вочима его, съ двумя его сыновьями Омаромъ и Османомъ. Ихъ признали истинными наслѣдниками пророка и вѣрными распространителями истиннаго ученія въ составленной ими книгѣ Сунн. Они-то и называются сунитами. Другіе же рѣшили, что Омаръ и Османъ самозванцы, вводятъ въ вѣру расколъ, а что настоящіе проповѣдники мусульманства Аліи, двоюродный братъ Магомета, женатый на родной его дочери, Фать-

мѣ, и сыновья ихъ, великіе калифы Гассанъ и Гуссейнъ. Этихъ назвали шиитами. Изъ за вражды потомковъ Магомета и убіенія внука его Гуссейна разыгралась кровавая распря, на вѣби вкоренившаяся раздоръ въ маометанствѣ.

Татары Бавинской, Елисаветпольской, Эриванской и отчасти Тифлисской губерній нынче стали побосаче, особливо городскіе. Строятся на общій лацъ: дома ихъ бываютъ и въ нѣсколько этажей, съ плоской крышей, отличаясь развѣ большими въ цѣлыя стѣны рѣзными окошками, изъ мельчайшихъ, цвѣтныхъ стеколъ, вырѣзанныхъ красивыми узорами. Въ комнатахъ мебели почти нѣтъ, бромѣ сундуковъ, да иногда тахты—очень широкой и низкой скамьи, крытой ковромъ, какъ у Армянъ и Грузинъ. Послѣдніе проводятъ всю жизнь на этихъ тахтахъ: и спятъ на нихъ, и ѣдятъ, но Татаринъ развѣ заѣзжаго гостя на нее посадить, а самъ все да сидитъ и спитъ на полу. За то ковры есть у самаго бѣдняка, а у зажиточныхъ всѣ дома покрыты ими внутри. Кругомъ приѣмной идетъ подъ самымъ потолкомъ полка, на которой выставлена всякая посуда: серебряные, мѣдные или глиняные кувшины и разная туземная утварь. Въ главной стѣнѣ каминъ, съ вычурными украшеніями, съ витыми колонками. Все это только у бо-

гатыхъ. У просто зажиточныхъ чаще всего одна комната, раздѣленная нѣсколькими перегородками, за которыми все хозяйство и домашній скарбъ. Тутъ же и сундуки, покрытые войлоками или цыновкой; тутъ же и постели съ одѣялами, убранныя на день въ нарочно продѣланныя ниши въ стѣнахъ. Въ одномъ углу посуда побогаче, оружіе, конская сбруя; въ другомъ чуваль съ мукой, кадки съ сырами, горшки съ маслами; а кто побѣдѣй, такъ у него единственная комната вмѣстѣ и конюшня и сарай. У нѣкоторыхъ, вмѣсто жилого покоя только деревянный помостъ въ одномъ концѣ большаго сарая, сложеннаго какъ почти всѣ зданія на Кавказѣ, изъ неотесаннаго камня. Помостъ отдѣленъ отъ помѣщенія лошадей и быковъ лишь рѣзными перилами. Точно также по селамъ живутъ и Греки и Армяне. Но все же это не самые бѣдные Татары, а имѣющіе какую нибудь осѣдлость. Большинство, кромѣ какихъ нибудь переносныхъ войлочныхъ кибитокъ на лѣто, да земляныхъ норъ на зиму, ничего не имѣютъ. Блудшіе по закавказскимъ равнинамъ, горамъ или лѣсамъ могутъ видѣть, какъ по обѣимъ сторонамъ дороги тянутся покрытые зеленью бугорки: между ними копошатся дѣти и буры; изъ подземной дверцы валитъ дымъ и выползають на свѣтъ Божій оборванцы

въ рыжихъ бараньихъ папахъ. Съ трубками въ зубахъ, они собираются по открытымъ мѣстамъ погалдѣть о мірскихъ дѣлахъ: это то и есть татарскія сакли, зимнія мѣстопробыванія кочевниковъ.

Съ ранней весны эти низменные жилища бросаются: Татары собираютъ свои стада, навьючиваютъ домашній скарбъ, сажаютъ старухъ и дѣтей на лошадей и быковъ и отправляются въ горы. По мѣрѣ того какъ становится жарче, а скотъ выѣдаетъ по близости травы, кочевье снимается и направляется выше въ горы, на болѣе прохладныя стоянки.

Татары прекрасно знаютъ и мѣстность и условія климата, въ различныя времена года: вынуть жерди, поддерживающія войлочную покрывку ихъ алачуги-кибитки и навьючить ихъ на спину быка—имъ ничего не стоитъ. Коня своего Татаринъ слишкомъ цѣнитъ; онъ не любитъ отдавать подъ вьюгъ, — на то есть вьючныя животныя, ослы, мулы, да быки. На лошадь онъ самъ сядетъ или много, что посадить мать, или любимую жену. Всякая перекочевка—праздникъ и поводъ къ грабежамъ и воровству. Сегодня перекочевали мимо деревни или села,—а завтра здѣсь нѣсколькихъ штукъ скота у крестьянъ или помѣщика не хватаетъ. Ищи вѣтра въ полѣ, судись съ Татарвой перехожей!.. У нихъ первая заслуга—ловкая кража и самое

убійство нерѣдкое дѣло. Христіанина убить даже почитается великой заслугой. Утромъ Татаринъ его у себя приметъ, какъ гостя дорогоаго; угоститъ и, ставъ на колѣни, обувь съ ногъ сниметъ. Чуть гость за его савлю или алачугу заветъ, Татаринъ не сочтетъ за грѣхъ его об-обратъ, какъ липу, а при нуждѣ и кинжалъ въ спину всадитъ. Дѣвушка Татарка за тихаго, завѣдомо ничего не укрывшаго и никого не ограбившаго, парня ни за что и замужъ не пойдетъ. Въ иныхъ татарскихъ обществахъ для мужчины считается постыднымъ умереть спокойною смертію дома. Объ такомъ и не пожалеть никто, тогда какъ умершаго отъ ранъ, полученныхъ на грабежѣ, всѣ оплакиваютъ съ большими почестями.

Всякій Татаринъ старается имѣть въ своемъ жилищѣ особую комнату или хоть уголь отдѣльный для женщинъ: туда уже не смѣетъ ступить нога ни одного мужчины, кромѣ хозяина дома. Ужасно положеніе женщины-Татарки: у нея нѣтъ никакого голоса въ семьѣ, никакихъ правъ. Мужъ можетъ ее прогнать, промѣнять на другую, взять обратно, если вздумается, бить сколько душъ угодно, даже убить безнаказанно, если не узнаетъ и не вступится правительство. Разъ было такое дѣло: Татаринъ привязалъ жену за косу къ дереву и сталъ ее обстрѣливать, пока совсѣмъ

не застрѣлилъ. Когда его взяли и привели въ судъ, онъ отказался признать себя виновнымъ, говоря, что не хотѣлъ убить, даже не цѣлился, а только желалъ запугать сидѣвшаго въ ней «шайтана» (чорта) и его выгнать. Если пуля въ нее попала, такъ это значитъ, что она шайтана любила больше мужа и онъ, съ ея согласія, самъ въ нее пулю направилъ.

— Но почему же ты думаешь, что въ ней былъ шайтанъ? спросили его.

— Это я вѣрно знаю! отвѣчалъ бусурманъ. Послѣ cadaго захода солнца, сотворивъ намазъ (молитву), я имѣлъ обыкновеніе изгонять его изъ моей жены; и всегда, когда я помолвившись подходилъ къ ней, она вся дрожала, такъ «онъ» ее колотилъ!

Въ самомъ лучшемъ случаѣ, у самаго добраго мужа положеніе жены безвыходно. Она безмолвная, безправная раба, незнающая отдыха. Мужчина никогда ей не поможетъ, не притронется и пальцемъ къ работѣ, хотя бы женщина надрывалась трудомъ на глазахъ его. Онъ почти всегда жалѣетъ, не только лошадь свою, которая занимаетъ почетное мѣсто въ семьѣ cadaго Татарина, но всякое домашнее животное, больше чѣмъ жену.

Такъ какъ стада барановъ главное и почти единственное богатство Татаръ, они гораздо бо-

лѣе заботятся объ ихъ удобствахъ, нежели о своемъ. У нихъ есть даже пословица, гласящая «тотъ не хозяинъ, кто не слуга своего барана». А на хорошаго коня рѣдкій Татаринъ не промѣняетъ всѣхъ своихъ женъ. Еще бы! жена почти всегда измѣнница, да и всюду найдется; а добрый конь вѣрный другъ наѣздника-джигита! его кормилецъ на грабежѣ, его спаситель въ опасности.

Джигитомъ, — удалцомъ и наѣздиномъ, — стремится быть каждый Татаринъ, начиная съ 10 лѣтъ. Джигитовка, то есть скачка—вмѣстѣ слава и наслажденіе Татарина. Въ праздничный день Татары выѣзжаютъ на ближайшій лугъ и начинается джигитовка—удалая скачка со стрѣльбой, съ опрокидываніемъ подъ брюхо лошади, съ подбрасываніемъ оружія. На всемъ скаку, летя сломя голову, джигитъ и ружье заряжаетъ, держа шапку въ зубахъ, и стрѣляетъ въ цѣль безъ промаху, и разомъ, словно падая, склоняется къ землѣ, подыметъ свой папахъ, а иногда и мелкую монету, брошенную въ пыль дороги; потомъ мгновенно выпрямляется въ стременахъ и снова несется, размахивая оружіемъ надъ забубенной головой или, растянувшись во всю длину на сдинѣ лошади, еле придерживается за гриву ея и летитъ, изображая изъ себя мертвое тѣло.

Ловкость Татаръ на конѣ изумительна! На Кавказѣ имъ нѣтъ соперниковъ въ верховой ѣздѣ, какъ впрочемъ нѣтъ и въ воровствѣ. Сами они сознаются, что нѣтъ у нихъ ни простолюдина, ни бека (дворянина), ни алагара (князя), ни даже хана, который не былъ бы воромъ и не считалъ грабежа удальствомъ. Точно также, несмотря на то, что еслибы Татарину случилось, когда нибудь утромъ или вечеромъ не совершить намаза, не помолиться при восходѣ и заходѣ солнца, онъ бы считалъ себя погибшимъ грѣшникомъ, — каждый изъ нихъ не задумывается фальшиво присягнуть. Они не считаютъ ни грѣшнымъ, ни безчестнымъ дать ложное показаніе на судѣ.

Между тѣмъ народъ этотъ имѣетъ и хорошія стороны. Онъ храбръ, не выдастъ довѣрившагося ему и способенъ къ развитію и переменѣ къ лучшему тамъ, гдѣ видитъ справедливость къ себѣ и уваженіе къ его чувствамъ, вѣрѣ и законамъ. Закавказскіе суниты даже очень покорны властямъ и преданы Русскимъ, на томъ основаніи, что въ коранѣ, священной книгѣ Магометовыхъ законовъ, приказано повиноваться начальству, особенно Сардарю, Царю. Шиты въ этомъ случаѣ хуже: они утверждаютъ, что это повелѣно лишь о Сардарѣ мусульманинѣ. Всѣ, долго жившіе между закавказскими Татарами, знаютъ между

ними хорошихъ, добрыхъ, благодарныхъ и памятливыхъ на добро людей. Все дѣло заключается больше въ ихъ своеобразныхъ и превратныхъ понятіяхъ.

Были въ Тифлисѣ два извѣстныхъ разбойника, Татары Ибрагимъ и Мансуръ. Первый былъ повѣшенъ за преступленія; второй погибъ въ схваткѣ съ земскою полиціей. Между тѣмъ эти двое изверговъ, прославившихся убійствами и грабежами, провели около десяти лѣтъ жизни спокойно и честно,—все время пока у нихъ былъ хорошій, справедливый начальникъ. Этотъ умный и добрый человекъ выручилъ Ибрагима и Мансура изъ тюрьмы, взявъ ихъ на поруки; приблизилъ ихъ къ себѣ, какъ милиціонеровъ; давалъ имъ порученія, пользуясь ихъ вліяніемъ на другихъ Татаръ и до того довѣрялъ имъ, что, уѣзжая, поручалъ ихъ охранѣ свою семью и весь домъ. А жили они, надо сказать, въ самомъ разбойничьемъ участкѣ. Полковникъ былъ уѣзднымъ начальникомъ въ Барчалѣ. Барчалинскіе же Татары самые безпокойные во всемъ краѣ. Между тѣмъ, пока былъ живъ ихъ любимый начальникъ, разбойники не только сами вели честную жизнь, но помогали ему своимъ вліяніемъ и знаніемъ людей своихъ и обычаевъ, что никогда ни прежде, ни послѣ не бывало такъ спокойно на Барчалѣ. Когда же этотъ пол-

ковникъ умеръ, на его мѣсто назначили вздорнаго, самонадѣяннаго человѣка, который не хотѣлъ на Татаръ смотрѣть какъ на людей и началъ съ Мансуромъ и его товарищемъ обращаться жестоко, думая запугать ихъ. Они его не испугались, а ушли, исчезли и снова начались страшные разбои между Тифлисомъ и Елисаветполемъ. Но вотъ что достойно изумленія: въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, пока не поймали Ибрагима и не загубили Мансура, — вдовѣ и дѣтямъ покойнаго полковника то и дѣло, неизвѣстно откуда и отъ кого приходила помощь, безъ которой существовать было бы имъ очень трудно. Знали оба Татарина, что честная русская семья, своей волей не станетъ пользоваться награбленнымъ добромъ, то и придумали свои подарки доставлять чтобъ никто объ этомъ не зналъ. Встануть, бывало, вдова и дѣти полковника поутру, а у нихъ во дворѣ, за ночь, Богъ прибыль прислалъ: по нѣскольку барановъ привязано; то кошолка съ птицей домашней, то чуваль муки или рису, кадки съ масломъ или сыромъ. Раза два-три Мансуръ, въ особенности любившій семью своего благодѣтеля, даже навѣщалъ ихъ. Всѣ дѣти очень его любили, особенно одинъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, котораго Татаринъ чуть не вынянчилъ на своихъ рукахъ. Сколько разъ полковница просила его, уговаривала повиниться,

сдаться на милосердіе правительства... «Нѣтъ! говорилъ онъ: Сардаръ далеко, а генералы его мнѣ не повѣрятъ: другой такой нѣтъ, какъ твой мужъ былъ!..» Покончили они оба плохо. Ибрагима захватили казаки, а Мансуръ былъ застрѣленъ. Послѣ смерти этихъ разбойниковъ-Татаръ сомнѣнія не стало, что они доставляли запасы бѣдной семьѣ, потому что они сразу и навсегда прекратились. Такимъ образомъ и между Татарами не все безсердечные хищники, а есть люди добрые и памятливые на добро. Впрочемъ есть въ Закавказьи два племени Татаръ, которые слывутъ за тихихъ и трудолюбивыхъ: это Шекинцы и Талышинцы, въ Бакинской губерніи. Между ними разбоевъ совсѣмъ не бываетъ, а воровство или самоуправство—большая рѣдкость.

По всему Закавказскому краю Татары—шииты соблюдаютъ постъ Могарремъ, учрежденный въ память гибели Алиева потомства и справляютъ десять дней «плача и скорби», съ разными церемоніями и представленіями. Халифъ, или Шахъ Гуссейнъ, внукъ Магомета, со всѣмъ родствомъ его, былъ побѣжденъ наслѣдникомъ Абубекра и Халифа Омара,—Езидомъ, въ Малой Азіи, на берегахъ Евфрата. Гассанъ, старшій братъ Гуссейна умеръ, отказавшись отъ престола Сиріи и Месопотаміи, которымъ завладѣлъ Езидъ. Жители

этихъ странъ послали звать на царство Гуссейна, не желая имѣть халифомъ Езида, который испугался и хотѣлъ ужь бѣжать. Когда храбрый полководецъ остановилъ его и вызвался истребить всѣхъ потомковъ Алія, войска Езида пошли на встрѣчу небольшому войску или вѣрнѣе свитѣ дѣтей, племянниковъ и прочихъ людей, близкихъ Гуссейну, шедшему вмѣстѣ съ ними. Въ долину рѣки Евфрата, которая и до сихъ поръ зовется Керб-Бѣла, т. е. «плачь и скорбь», они отрѣзали имъ доступъ къ рѣкѣ и десять дней избивали взрослыхъ, а женщинъ и дѣтей морили жаждой. Гуссейнъ нѣсколько разъ пробирался къ Евфрату за водой для несчастныхъ дѣтей своихъ и въ это время получилъ рану. Ангелы являлись помогать ему, но великій халифъ отказывался отъ ихъ услугъ, не желая противиться судьбѣ, которая, по магометанской вѣрѣ, заранѣе назначена каждому человѣку самимъ Богомъ и должна исполниться. Наконецъ, на десятый день ему отрубили голову. Тотчасъ же съ неба слетѣли два голубя, охранять кровь халифа отъ насѣкомыхъ, а изъ лѣсу вышла огромная львица и разогнала конницу Езида, собравшуюся растоптать его тѣло.

Большое участіе въ вымыслахъ шиитовъ принимаютъ и эти голуби и львица. Бываютъ у нихъ особыя представленія. Больше 1000 человѣкъ уча-

ствують въ представленіи, а въ процессіяхъ, которыя десять дней тянутся по улицамъ, нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Сыновья Гуссейна, жены съ малыми дѣтьми, сестра съ племянниками, прекрасная Физа, невѣста старшаго сына халифа, которая потомъ умираетъ отъ горя, когда жениха ея убиваютъ, вся свита Гуссейна, торжественно тянется по улицамъ и площадямъ въ арбахъ, въ тахтараванахъ (носилкахъ), на верблюдахъ и лошадяхъ. Это въ первые дни праздника. Въ послѣдующіе ужъ провозятъ ихъ разукрашенные гробы. Нечестивый Езидъ тоже ѣдетъ въ процессіи, рядомъ съ какимъ-то франкскимъ посланникомъ, т. е. европейцемъ. Въ знакъ того, что онъ не Татаринъ, этотъ посланникъ одѣтъ во фракъ и въ шляпу, часто сшитую изъ ситца или сахарной бумаги. Въ самомъ концѣ представленія, отрубленную голову Гуссейна (разумеется тоже сшитую изъ тряпокъ и разрисованную) подносятъ на пегѣ сидящему на тронѣ среди площади или на полѣ Езиду, а онъ отталкиваетъ ее ногой съ лѣстницы. Посланникъ удивляется этому и проситъ пророка Магомета заступиться за своего внука, если только ученіе Али-ево ему пріятно. Вдругъ голова Гуссейна будто бы произноситъ: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ, отецъ моей матери, пророкъ его!» Тогда

посланникъ падаетъ ницъ и кричить: «Отнынѣ я мусульманинъ, я—шіить!..» Весь народъ, актеры и зрители, бросаются разрушать тронъ Езида и бить его самаго. Иногда они такъ увлекаются, что полиціи приходится вмѣшиваться и спасать до полусмерти—избитаго актера. Прежде бывали случаи, что бѣднягу совсѣмъ убивали.

Всѣ эти поминальныя комедіи были бы очень занимательны, со своими смѣхотворными подробностями, съ мальчишкой одѣтымъ въ тигровую, а иногда и просто въ телячью шкуру вмѣсто льва; съ французскимъ посломъ въ коленкоровомъ фракѣ; съ музыкой, стрѣльбою и толпами народа, цѣлые дни перекочовывающими изъ мечетей на площади, разукрашенныя тронами, кострами: еслибы въ нихъ не замѣшивалось изувѣрства, а крики, плачь и стоны были бы однимъ притворствомъ. Но это не такъ!.. Страшно смотрѣть на побои, раны и увѣчья, которыя наносятъ себѣ эти изувѣры и ханжи. Еще за нѣсколько дней, до послѣдняго дѣйствія этой мрачной комедіи, вереницы мужчинъ, стариковъ и юношей, тянутся по улицамъ, подпрыгивая какими-то неровными скачками, держась каждый лѣвой рукой за поясъ другаго. Всѣ одѣты въ бѣлое, какъ въ саваны, а правыми руками размахиваютъ палками, саблями и кинжалами: они бьютъ себя по головамъ и плечамъ, подъ тактъ

заунывной пѣсни и разрѣзають себѣ тѣло въ глубокія раны. Кровь льется ручьями по лицамъ, а они, какъ сумасшедшіе, скачуть въ совершенномъ изступленіи, бьютъ и рѣжутъ себя, припѣвая: «Шахсей! Вахсей!» Это въ сокращеніи: шахъ Гуссейнъ, вай Гуссейнъ.

Еще гораздо ужаснѣе это зрѣлище представляется въ городахъ, густо населенныхъ шитами, какъ Шуша, Шемаха и др. въ послѣдній день праздника Могаррема. Толпы вопятъ, женщины шитки и даже дѣти рвутъ на себѣ волосы, исцарапываются въ кровь. Кругомъ площади, гдѣ воздвигнуть престолъ Езида и готовится представленіе смерти Гуссейна, сидятъ сотни молодыхъ и старыхъ шитовъ, и обливаются собственной кровью. Лица и обнаженные тѣла ихъ изрѣзаны; въ налобную кожу продѣты камышинки и остругавныя палочки; въ мясо на рукахъ и шеѣ вдѣты желѣзные замки; тѣло на груди продѣто кинжалами насковзь. Ручьи крови текутъ при всякомъ движеніи. Куда ни взглянешь: всюду запекающаяся кровь, страшные рубцы, раны, сине-багровыя пятна, блѣдныя, и вздутыя лица, налитыя кровью, дико блуждающіе глаза и при этомъ звѣрски-суровыя выраженія лицъ. Каждый сдерживаетъ стоны, какъ молодущіе, но они прорываются въ

воцляхъ, въ дивихъ крикахъ, которыми несчастные стараются пересилить боль.

Изувѣрство простирается до того, что инныя матери сами подходятъ къ израненнымъ юношамъ и глубже всаживаютъ имъ въ тѣло ножи, не обращая вниманія на кровь и страданія своихъ сыновей. Мушны сами за себя даютъ обѣты и добровольно себя истязуютъ; несчастные же мальчики, въ большей части случаевъ, страдаютъ по обѣщаніямъ своихъ матерей, которыя воображаютъ, что грѣхи ихъ искупаются мученіями ихъ дѣтей!.. Многіе шиты долго болѣютъ послѣ праздника Могаррема или послѣ «Шахсей-Вахсея», — какъ называютъ его въ народѣ; иные даже умираютъ и смерть такихъ считается блаженной.

Правительство дѣлаетъ, что можетъ, чтобы умѣрить безуміе шитскихъ ханжей, но запретить торжества Шахсей-Вахсея нельзя: это возмутило бы большинство закавказскихъ Татаръ. Послѣдователи пророка Омара, суниты, собственно гораздо благонадежнѣе шитовъ: они не такіе изувѣры въ религіи и гораздо податливѣй къ просвѣщенію. Они легче сходятся съ христіанами, не такіе льстивые и низкопоклонные. Горцы почти всѣ суниты, также какъ и Татары ахалцыхскіе и вообще тѣ, которые ближе къ Турціи, гдѣ всѣ магометане живутъ по закону Суни.

Совершенно одинаковы у мусульманъ только вѣрованія въ жизнь загробную и рай Магометовъ. Всѣ они твердо вѣрують, что въ могилу каждаго по ихнему правовѣрнаго, въ первую же ночь его погребенія, нисходятъ два ангела и спрашиваютъ покойника: «Что есть Богъ? Что такое коранъ? И кто такой Магометъ?» Если мертвый хорошо имъ отвѣтитъ, а именно: «Богъ единъ, сотворшій весь мѣръ и меня. Коранъ есть книга законовъ Божьихъ, а самъ Магометъ—избранникъ Божій и пророкъ Его»,—тогда ангелы вознесутъ душу его прямо въ рай, гдѣ текутъ молочныя, винныя и медовыя рѣчки въ шафранныхъ берегахъ. Шафранъ Татары ужасно любятъ въ кушаньяхъ и красятъ себѣ имъ руки, бороду и ногти; но почему они помѣстили вино въ числѣ райскихъ сладостей, когда не должны были бы даже знать его вкуса? Вино, также какъ и свинина, строго воспрещены Магометомъ. Какъ бы то ни было, но въ его раю есть винныя рѣчки и текутъ онѣ по золотому песку, берега ихъ усыпаны драгоценностями: жемчугомъ, изумрудами, янтаремъ и бирюзой.

Посреди рая возвышается золотой дворецъ Магомета полный гуріями, то есть прекрасными женщинами, изъ которыхъ всякій правовѣрный можетъ себѣ выбрать столько женъ, сколько

угодно. Дворецъ окруженъ прекраснымъ садомъ, со всевозможными плодами; но самое удивительное дерево растетъ внутри его дворца и во всё окошки пропускаетъ свои золотыя вѣтви. И такое множество этихъ вѣтвей, что хватаетъ ихъ на семью каждаго добраго мусульманина: сами онѣ такъ и тянутся къ дверямъ всѣхъ райскихъ жилищъ. Стоитъ лишь хозяевамъ ихъ пожелать что нибудь, все мигомъ вырастаетъ на вѣтвѣ и готово къ ихъ услугамъ. Зовется оно деревомъ счастья. На немъ все растетъ: и оружіе, и кони въ богатой сбруѣ, и кальяны для куренья, съ самымъ лучшимъ турецкимъ табакомъ, и одежда,—чохи, бурки и папахи, и даже мѣшки съ червонцами. А уже о съѣстномъ и говорить нечего!.. Не только всякіе плоды и сласти, но даже жареные фазаны, блюда съ пловомъ, приготовленныя бараниной, кишмышомъ и шафраномъ.

На войнѣ горцы тоже очень жестоки и коварны, но они не такіе присяжные воры, какъ закавказская татарва. У нихъ столько племенъ и у каждаго столько разнообразныхъ обычаевъ, что невозможно обо всѣхъ рассказать. Общія черты, впрочемъ, почти у всѣхъ горцевъ одинаковы: храбрость, суевѣріе, гостепріимство, полное порабощеніе женщинъ; умѣренность въ жизни, мстительность, ловкость и молодечество. Иныя племена

честивѣй, другія—коварнѣй; нѣкоторыя красивѣй, лучше сложены, живѣе въ движеніяхъ; другія коренастѣе и грубѣе; но всѣ вообще сильны, легки на ходу и выносливы. Когда были у нихъ Имамы, какъ Шамиль, послѣдній ихъ духовный и свѣтскій владыка, всѣ племена ему покорялись, что однако не мѣшало имъ враждовать между собою. У всѣхъ горцевъ, особенно въ прежнія времена, одинаково была развита ненависть къ «гьяурамъ», то есть къ собакамъ, какъ они называли всѣхъ христіанъ. И теперь еще рѣдкій Чеченецъ, Дагестанецъ или Лезгинъ не станетъ чуждаться общей жизни съ Русскими. У Шамиля такъ даже была особая казнь придумана для тѣхъ изъ его подданныхъ, которые, забывая законъ, дружили съ гьяурами.

Разсказываютъ объ одномъ такомъ наибѣ его, или генералѣ, по ихнему. Долго былъ онъ въ плѣну у Русскихъ, ближе насъ узналъ и сильно перемѣнился въ своихъ понятіяхъ обо всемъ. Не могъ уже онъ ненавидѣть Русскихъ по прежнему; даже сердечно привязался къ семьѣ того генерала, у котораго проживалъ на порукахъ, въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Тамъ за нимъ, пока онъ болѣлъ отъ ранъ, ухаживали какъ за роднымъ братомъ и даже по русски говорить выучили. Какъ обмѣняли его вмѣстѣ съ другими плѣнниками на нашихъ

офицеровъ, бывшихъ у Шамиля въ плѣну, да попалъ бѣдный наибъ въ ауль Гимры, къ себѣ домой, сталъ онъ задумываться и скучать. А тутъ друзья-пріятели подоспѣли: начали Шамилю наушничать, — измѣнникомъ, перебѣжчикомъ наиба звать. Такъ и такъ, говорятъ: былъ на всѣ руки, первый удалецъ, лучшій предводитель, завзятый охотникъ до гьяурскихъ головъ и вдругъ такая перемѣна! Ни самъ наибомъ не хочетъ быть, ни абрековъ въ бой вести. А абреви—это самые жестокіе и заклятые враги Русскихъ. Такимъ путемъ дошло до Шамиля, что бывшій его вѣрный наибъ, мало того, что самъ сидитъ на печкѣ какъ баба, а еще и рѣчи неподобныя, грѣшныя держитъ. «Вретъ, говорить, все Имамъ: никакой святости въ этой войнѣ съ Русскими нѣтъ. Гораздо бы лучше взяться за умъ: поклониться Русскому Сардарю, да въ мирѣ съ ними живя, уму-разуму отъ нихъ научиться, потому они больше нашего знаютъ и люди не злые, — безъ толку и нужды никого не обидятъ...» Призвалъ Шамиль своего наиба и спрашиваетъ его: правду-ль о немъ толкуютъ?... Заперлись они вдвоемъ, и долго такъ бесѣдовали. Шамиль все больше молчалъ, да слушалъ, шевеля губами, (про себя молитву творилъ, должно быть отчитываясь отъ грѣшныхъ рѣчей наиба). А тотъ бѣдный высказывалъ, ему свои

новыя понятія, думая что пойметъ его этотъ дикій звѣрь и быть можетъ, пойдетъ на замиреніе. Вышелъ Шамиль съ нимъ, какъ добрый, къ своему генеральству, и говоритъ: «Вотъ измѣнникъ! Гьяурамы онъ свою душу продалъ!» И велѣлъ его казнить «искупительной казнью», за прежнія его заслуги. Это былъ такой особый топорикъ, сдѣланный какъ молодой мѣсяць: луна у магометанъ все равно, что у насъ крестъ,—священный знакъ и у сунитовъ ставится поверхъ мечетей, церквей ихъ. Горцы вѣрили, что съ того, кто этимъ топоромъ казнится, всѣ его прегрѣшенія сымутся и отступничество его простится, потому что луна надъ крестомъ силу возьметъ,—колдовство христіанское сыметъ и пойдетъ такая смерть осужденному во спасеніе.

Вотъ оповѣстили всѣ аулы, и отвсюду сбѣжался народъ смотрѣть на казнь отступника. Наибы шамилевскіе, чуть всѣ не передрались изъ за того, кому пробить ему голову: по ихъ закону все добро, оружіе, платье и лошади казненнаго доставались его налачу.

Въ яркій полдень поставили приговореннаго среди площади аула, а народу кругомъ что въ муравейникъ. Подошелъ къ нему мулла, сталъ его прегрѣшенія громко пересчитывать и молитвы творить надъ нимъ. Стоялъ наибъ во все время блѣд-

нымъ, злобно стиснувъ зубы, глазъ не подымая, мрачнѣй тучи черной,—и не шелохнулся. Только когда замолкъ мулла, да сталъ къ приговоренному подходить здоровенный наибъ, съ этимъ полумѣсяцемъ-топоромъ, бѣдный горецъ вскинулъ глаза къ небу, словно призывая его въ свидѣтели, что ни въ чемъ неповиненъ. Окинулъ онъ быстро глазами и солнце, и родныя горы, и свой народъ, будто со всѣми прощаясь въ послѣдній разъ,—и снова потупился. Почти въ тотъ же мигъ взбросилъ надъ нимъ руки палачъ размахнулся,—и острый край стальной луны, съ глухимъ трескомъ, вонзился приговоренному въ темя. Подался онъ всѣмъ тѣломъ впередъ, будто хотѣлъ на колѣни встать, и сразу рухнулъ на земь, залившись кровью...

3. 0 Казакахъ.

По всему богатому растительностью предгорью Кавказскому, по всей плоскости, орошаемой Кубанью, Тереконъ, Лабою, Сунжей и многими ихъ притоками, на нѣсколько сотъ верстъ раскинулись казачьи станицы: Черноморцевъ и Гребенцовъ. Хотя война и опасность, вѣчно тяготѣвшая надъ жителями станицъ, давно миновали, но они сохранили свой боевой характеръ. Казаки и до сихъ поръ, по наружности и одеждѣ, какъ двѣ капли

воды, похожи на горцевъ. Хоть и негдѣ нынче разгуляться казацкой удали, не на комъ погулять булатной шашкѣ, не въ кого прицѣлиться мѣткою пулей; и зажили старыя раны, на которыхъ бывало кровь не успѣвала пересыхать, — но казакъ по прежнему выше всего цѣнить свое оружіе и своего коня. Нѣтъ случаевъ теперь преслѣдовать грабителей, догонять въ чистомъ полѣ разбойниковъ-абрековъ, за то станичная молодежь собирается, разгулявшись въ праздникъ, за стѣны крѣпостныя, на поле, — погорцевать, погоняться верхомъ другъ за дружкой; а не то и безцѣльно припустить вскачь своихъ сильныхъ малорослыхъ лошадокъ, и выпустить на воздухъ хоть нѣсколько холостыхъ зарядовъ. Кого будешь нынѣ стрѣлять: развѣ воронъ перелетныхъ? На всякую дичь степную пороху жалко: ихъ старики, да малыя дѣти сѣтями, чуть что не голыми руками сотнями ловятъ. Но какъ бы то ни было, хоть ради забавы, лихо несутся казаки и зря выпускаютъ заряды: глядя на нихъ чувствуется, что это, — все тѣ же храбрецы, хоть сейчасъ готовые снова отстаивать семьи свои, землю и дома, какъ отстаивали ихъ изо дня въ день безъ отдыха въ продолженіи столѣтія. Всѣ эти цвѣтушіе сады и плодородныя нивы отъ Пятигорска до Кизляра, были покрыты не далѣе, какъ 60 лѣтъ тому назадъ,

чеченскими аулами. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ними, къ востоку отъ Владикавказа бывшая Малая Кабарда, а къ сѣверу Кумыкскія степи и земли Ногайцевъ. Все это были явные и тайные враги казачьихъ поселеній. Нашимъ линейцамъ приходилось отбивать ихъ шагъ за шагомъ, а отбивши отстаивать отъ ежедневныхъ набѣговъ. Кромѣ опасности отъ вражьихъ винтовокъ и кинжаловъ, была вѣчная опасность отъ пожаровъ и голоду, такъ какъ хищники то и дѣло вытравили поля и жгли посѣвы и строенія. Только въ началѣ 50-хъ годовъ, тридцать съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, Чеченцы окончательно очистили равнины между Терекомъ и Сунжей. Они побросали свои аулы и сады и приютились въ лѣсистыхъ горахъ, называемыхъ черными, и тогда только казаки заняли ихъ земли. Но Чеченцы еще съ большей яростью начали нападать на враговъ, занявшихъ ихъ пепелища, и война шла еще много лѣтъ, ожесточенная. Нечего удивляться, что воинственность и страсть къ боевымъ опасностямъ еще не остыла въ народѣ, среди котораго какихъ нибудь четверть вѣка тому назадъ каждый десятилѣтній младенецъ умѣлъ владѣть оружіемъ и конемъ и часто, не только женщинамъ, но и малымъ ребятамъ приходилось защищаться отъ лютыхъ враговъ.

Въ станицѣ Лабинской мы знали одну казачку,

которая, будучи тринадцатилѣтней дѣвочкой, отстрѣлялась, съ помощью меньшаго брата отъ десяти Чеченцевъ, окружившихъ мазанку ихъ въ дальнемъ виноградникѣ. Братишка заряжалъ попеременно то отцовскую, то братнину винтовку, а дѣвочка прицѣливалась въ узкое оконце, на подходившихъ къ дверямъ и стрѣляла. На выстрѣлы прибѣжали отецъ со старшимъ братомъ, а за ними и другіе казаки изъ окрестныхъ садовъ и разогнали разбойниковъ. Но Груня успѣла уже положить на мѣстѣ двоихъ горцевъ и ранила третьяго.

Что же говорить о мужчинахъ, когда дѣвушки и женщины станичныя такія удалыя бывали? Знали мы одну казачку въ укрѣпленіи Грозномъ, которая два раза, подъ видомъ то конюшаго горца, то казака въ Сулакскомъ ущельи въ аулѣ Чергатѣ побывала у своего мужа, тамъ проживавшаго въ неволѣ, у муллы. Данила Симчуковъ былъ храбрый казакъ, имѣлъ золотаго Георгія. Такихъ, когда они попадались въ плѣнъ, дикари берегли, зная, что за нихъ дадутъ хорошій выкупъ. Пока самъ полковникъ, начальникъ урядника Симчукова, хлопоталъ объ его возвращеніи; пока полковница всѣхъ своихъ знакомыхъ обложила данью на выкупъ его, красавица Марина, жена его, чуть не умерла

со страха и тоски по любимомъ мужѣ. Въ двадцать шесть лѣтъ она побѣлѣла, — волосы посѣдѣли отъ горя. Сама свѣжая, статная, глаза черные огнемъ горять, а волосы побѣлѣли. Она, не долго думая, ихъ сбрила, и надѣла оборванное казачье платье. Верхомъ она съ измальства что любовью казаченовъ, ѣзжала даже на неосѣданныхъ коняхъ. Махнула она въ горы. Былъ у нея одинъ кунакъ, (пріятель), изъ самыхъ вліятельныхъ абрековъ, котораго она тоже, когда онъ въ плѣну у казаковъ былъ, спасла отъ смерти и выходила что брата роднаго. Пользуясь его дружбой, Марина умолила его взять ее съ собою въ ауль Черкаты, будто бы своего нукера или конюшаго. Абрекъ былъ въ свойствѣ съ муллою и вообще пельзовался большимъ уваженіемъ; да и человекъ, какъ видно, былъ хорошій, — не боялся изъ благодарности взять такой отвѣтъ на себя. Съ нимъ казачка благополучно съѣздила въ самое страшное Шамилевское гнѣздо (Черкаты всего, въ нѣсколькихъ верстахъ по рѣчкѣ Сулаку, отъ тогдашней столицы и мѣсторожденія Имама — Гимровъ) здѣсь она съ мужемъ недѣльки двѣ пожила и назадъ вернулась. И ни одна душа ее за бабу не признала! Мало того, она, черезъ полгода, поѣхала туда опять, подъ именемъ Максимки казака, на сей разъ открыто, со своими, кото-

рые везли въ горы плѣнныхъ горцевъ, въ обмѣнъ на своихъ и въ томъ числѣ на Симчукова. На этотъ разъ Марина даже еще и съ парнями, съ молодой татарвой изъ аула Черкаты, джигитовала и въ споръ съ сыномъ муллы, съ молодымъ Рагимомъ, вступила. Было это на возвратномъ пути, когда уже къ нашей границѣ подъѣзжали всадники, съ возвращенными плѣнными. Рагимъ и нѣсколько другихъ горцевъ провожали ихъ, какъ добрые кунаки и заспорили, что Русскій народъ не умѣетъ такъ джигитовать, какъ природные горцы. Заспорили и стали показывать свою удалъ и ловкость. Марина и говорить Татарину, (—а она по татарски отлично говорила: казаки и казачки съ дѣтства этому языку выучиваются): — Эхъ ты! кричить ему: куды вамъ, супротивъ насъ казаковъ? Слушай. Рагимка: у насъ любая баба казачка не хуже вашего на конѣ ѣздить. Хочешь потягаемся: со мной, съ казакомъ Максимвой?.. Коли я тебя перегоню, — моя правда! Не смѣй тогда насъ порочить. А коли ты меня, — ну, тогда значить васъ русской бабѣ не перегнать.

Смѣется Рагимъ. Чудно ему, какъ таки казаку не зазорно себя къ бабамъ приравнивать?.. Смѣялся и Данила на свою женку глядя, да радуясь. А она, пользуясь ихъ смѣхомъ, пришпорила коня: конь вскинулся, да какъ бѣшеный ее, словно птица, перемахнулъ черезъ рѣчку погра-

ничную, да въ гору, въ казацкимъ передовымъ пикетамъ.

Тутъ остановилась Марина, смотреть: по ту сторону рѣчки ея мужъ съ Рагимомъ прощается, да на послѣдокъ посмѣивается ему: Ну, чтожь, де: счастливо оставаться! А моя жена, русская казачка, все-жь тебя, природнаго горца, обогнала!» Тотъ только ротъ разинулъ... Тутъ Марина сорвала съ себя баранью папаху, бросила ее вверхъ, на воздухъ, да какъ гаркнетъ:

— «Ура!.. Ура, русскимъ бабамъ! Гляди, Рагимъ, на меня: блается тебѣ не Максимка, а казачка Марина—Данилкина жена. Благодарствуетъ васъ русская баба за хлѣбъ, за кашу,—за милость вашу!..»

Народъ въ станицахъ все рослый, красивый. Мужчины сильны, ловки и неутомимы; женщины, какъ на подборъ красавицы, высокаго росту, стройны и величавы. Любо-дорого смотрѣть, какъ между веселымъ разговоръ и пѣснями, дружно, ловко и легко спорится у нихъ всякая домашняя работа. Въ полѣ-ли жать, дрова-ли рубить, въ виноградникѣ-ли работать, или въ огородѣ копать, казаки съ казачками на все поспѣли, все шутя справятъ, и въ домѣ, и въ саду, и на посѣвѣ. Станицы ихъ тонуть въ садахъ; дома чисто выбѣлены, обнесены палисадникомъ, въ которомъ и

сирень, и рожь высокія, и пестрыя георгины, и золотые подсолнухи высятся и, на яркомъ солнцѣ красуются. Среди станицы всегда площадь; на ней церковь съ позолочеными или ярко-зелеными куполами; кругомъ каменные, хорошія постройки: домъ атамана, войсковаго старшины, станичное управленіе, школа. Быстрыя, свѣтлыя рѣчки текутъ между густой, разнообразной зеленью, между водяными мельницами, съ шумливыми колесами, съ плотинами и тихими заводами, покрытыми стадами утокъ и гусей. За станицами поля, нивы, поросшія травами и хлѣбами, или сотнями скирдъ и стоговъ; по пригоркамъ десятки вѣтряныхъ мельницъ машутъ крыльями по вѣтру; а гдѣ нибудь, на самомъ высокомъ мѣстѣ въ окрестностяхъ торчитъ вышка, крытая соломой. Въ прежнее время на ней всегда стоялъ вооруженный казакъ на сторожѣ и поглядывалъ: не видать-ли откуда врага, не идутъ-ли на станицу горцы набѣгомъ? А внизу, разостлавши бурки на землѣ, лежали другіе двое-трое сторожевыхъ казаковъ, да пофыркивали пережовывая сѣно и дено и ношно готовыя, осѣдланыя лошади. Чуть что покажется подозрительное, вскочать сторожевые на сѣдла и понесутся по разнымъ направлениямъ въ станицу, тревогу бить, ворота запирають, вооружать населеніе къ оборонѣ... Теперь нѣтъ

больше нужды въ такихъ пикетахъ: они оставлены и стоятъ себѣ безъ надобности, пока не свалить ихъ время и старыя казачки не разберутъ щеповъ на топливо.

Людно и весело бываетъ въ станицахъ на ярмаркахъ, когда отъсюду нахлынетъ нарядный людъ. Всѣ окрестности заскрипятъ колесами обозовъ, зазвенятъ колокольчиками, а ярмарочное поле запестрѣетъ и покроется возами, шалашами и балаганами со всякимъ товаромъ. И по праздникамъ тоже, особенно въ лѣтніе, лунные вечера, пріятно пройти по площади и улицамъ линейской станицы. Вся молодежь въ сборѣ, хороводы водить, пѣсни поетъ; казачата подъ гармонику отхватываютъ трепака, а людъ постепенно по завалинкамъ домовъ у воротъ сидитъ, смотреть; бабы нарядныя сѣмечки грызутъ безъ устали, изъ пустаго въ порожнее переливаютъ, а старики, — стариками у казаковъ старшины станичные называются, — особо ведутъ бесѣду, о своихъ станичныхъ или хозяйскихъ дѣлахъ. Пѣсни пѣть казаки мастера великіе: у нихъ всѣ поютъ и такого собранія прекраснѣйшихъ голосовъ и такихъ чудесныхъ стройныхъ хоровъ, не найти во всей Россіи.

Линіей зовутъ ту равнину, что протянулась подъ кавказскими горами, вдоль ихъ

хребта, отъ Владикавказа до Кизляра. Лѣтомъ тамъ бываетъ очень жарко; но осень проводить тамъ хорошо. Прекрасны осенью сады и лѣса на Сунжѣ! Нигдѣ не случится видѣть такой яркости и разнообразія красокъ въ листьѣ; такой роскошной путаницы ягодъ, хмѣлю, лозы и тростника по берегамъ рѣки; такого множества дичи, какая водится тамъ по тихимъ, блестящимъ заводямъ, между рукавами рѣкъ. Большіе бываютъ по веснамъ разливы, — и не только весной, когда въ горахъ таютъ снѣга, но и послѣ сильныхъ грозъ. Часто крошечная рѣченка, которую, кажется, курица перейдетъ въ бродъ, вдругъ въ четверть часа такъ вздуется, что не только всю птицу, что на ней плаваетъ, но и дѣтей и взрослыхъ, если захватить во время купанья и даже лошадей и быковъ унесетъ водой неудержимо. Такъ впрочемъ, не только здѣсь, но вездѣ въ краѣ. Въ Закавказьи, гдѣ больше горъ, еще быстрѣй и сильнѣй бываютъ эти разливы: нѣсколько сутокъ никто не спитъ въ станицахъ, охраняя имущество, и спасая хозяйство въ садахъ, на лугахъ и мельницахъ. Низменности всѣ находятся подъ водою, не смотря на дружную работу всего населенья, старающагося отвести воду.

У хозяйки нашей былъ сынъ, Ивашка, прозванный «безшабашнымъ», за его молодец-

ство и безстрашіе. И въ самомъ дѣлѣ, Ивашка Безшабашный (онъ навѣрное эту кличку и своему потомству передалъ) для своихъ пятнадцати лѣтъ натворилъ много подвиговъ. Въ станицѣ часто бывали пожары и тутъ ужъ онъ всегда первый лѣзъ въ огонь и не одинъ казакъ ему былъ обязанъ спасеніемъ дома и имущества. У своего сосѣда онъ изъ самага пламени, со вспыхнувшего ночью сѣновала мальчишку сына на рукахъ вытащилъ; а во время одного наводненія, онъ на своей спинѣ, то вплавъ, то по поясъ въ водѣ, спасъ двоихъ дѣтей. Были дѣти эти въ дальнемъ саду, а никто, ни даже мать навѣрное не знали, гдѣ они, когда вздувшаяся рѣка отрѣзала сады на нѣсколько дней отъ станицы. Несчастливая мать бѣгала, какъ сумасшедшая, плакала и вопила, напрасно призывая дѣтей. Ивашка вызвался ихъ найти и съ не малой опасностью переправился въ залитые сады. Искалъ онъ ихъ тамъ часа два, наконецъ услышалъ ихъ крикъ и въ самую пору: стоялъ шести-лѣтній мальчишка, прислонившись къ дереву уже по горло въ водѣ. Посадилъ онъ маленькую сестренку къ себѣ на плечи и ревелъ благимъ матомъ. Хотѣлось ему на дерево взлѣсть, да никакъ не могъ дѣвченку подсадить на вѣтку, — а бросить ее въ воду было жалко!.. Посадилъ его Ивашка Безшабашный на дерево повыше, кушакомъ при-

взялъ, да велѣлъ пока срывать алычу, ѣсть, да его поджидать, — деревцо-то кстати алычей (сливой тамошней) оказалось. Самъ взялъ трехлѣтнюю дѣвчонку, привязалъ своей рубахой ее на спину себѣ, да велѣлъ покрѣпче за шею держаться, — и на другой берегъ матери доставилъ; а самъ назадъ, — за мальчишкой, Когда же онъ плылъ съ мальчишкой воды до того прибыло, что ужъ нельзя было, нигдѣ идти, а на главномъ рукавѣ рѣки такъ ихъ закрутило, такъ потащило внизъ, что народъ на берегу уже и не чаялъ, что Безшабашный живъ выплыветъ. Однако онъ и самъ выплылъ и мальчишку вытащилъ. Правда, что вода унесла чуть не на версту ихъ, но попалъ таки удалой казаченокъ на берегъ и привелъ сына къ матери живымъ и здоровымъ. Мужественный, находчивый, славный парень былъ Ивашка во всемъ, да только съ лѣнцой. Избаловали его сосѣди и сосѣдки: каждый радъ былъ ему помочь и за него поработать, въ томъ чаяннѣ, что какъ грянетъ бѣда — Безшабашный пригодится и вдесятеро отслужить. Вотъ кто жалѣлъ, что война покончилась!.. «Эхма! говорить, бывало: и зачѣмъ я опоздалъ на свѣтъ родиться?!. Что нынѣ дѣлать казаку?.. На солнышкѣ грѣться, али бабамъ помогать хлѣбы въ печку сажать!..»

Ивашкамъ Безшабашнымъ теперь плохо живется, на Кавказѣ, но они еще долго не выведутся. Въ станицахъ только и остается имъ воевать съ огнемъ, водой, да вотъ, развѣ съ дичью на охотѣ... Есть впрочемъ и еще одинъ сильный, беспощадный врагъ, съ которымъ иногда приходится казакамъ вести дѣятельный, ожесточенный бой. А какой это врагъ, видно будетъ изъ слѣдующаго моего вѣрнаго разсказа.

Въ срединѣ лѣта дожди угомонились, настали очень жаркіе дни и наступило продолжительное бездожде. Оно уже было не страшно, — такой поздней засухи бояться было нечего, напротивъ она способствовала полевымъ работамъ. Шла самая горячая страда; хлѣбъ ужъ почти весь былъ сжатъ и его свозили со всѣхъ сторонъ въ станицу. Въ одно послѣобѣденное время были мы у войсковаго старшины въ гостяхъ, въ его тѣнистомъ садикѣ, напрасно ища прохлады. Бесѣда шла вяло, пока не пріѣхалъ одинъ старикъ, когда-то извѣстный своей храбростью, казачій офицеръ, а нынѣ сосѣдній помѣщикъ, словоохотливый и бывалый человѣкъ, котораго разсказы всѣ очень любили.

Наканунѣ мы слышали отъ одной старой казачки, долго бывшей въ плѣну въ Чечнѣ, что горцы почитаютъ многіе наши праздники: Троицу, Иль-

инь день; *) также будто-бы они поклоняются Георгію Побѣдоносцу и чтутъ Богородицу. Во время сбора меду въ Чечнѣ бываетъ Богородичный праздникъ, потому что она тамъ почему-то считается покровительницей пчелъ. Молодые Чеченки собираются въ лѣсъ, на пасѣку; молятся тамъ, прославляя «Матеръ Иссy» (Исуса), втораго пророка послѣ Магомета, по мнѣнію мусульманъ. Потомъ они поютъ пѣсни, варятъ пловъ съ бараниной, жарятъ цыплятъ; молодые дѣвушки подчуютъ ими старшихъ, потомъ собираютъ всѣ бараньи и буриныя головы и ихъ разсаживаютъ по высокимъ шестамъ въ лѣсу. Этимъ лавомствомъ они надѣются умилостивить лѣсныхъ духовъ: чтобъ они, рѣзваясь, не налетѣти на улья и не распугивали пчелъ. Такое смѣшеніе христіанства и язычества насъ удивило и объ немъ-то мы и спросили стараго казака.

— „Здѣсь всѣ вѣрованія такъ перемѣшаны, что трудно что нибудь разобрать, отвѣчалъ онъ. Да это и натурально!.. Ученье Магомета, по сунитскому толку, проникло въ Чечню и Дагестанъ отъ Крымскихъ Татаръ, черезъ Кубань, не болѣе, какъ два-три вѣка тому назадъ. Прежніе же Чеченцы, Ку-

*) Всѣ свѣдѣнія, здѣсь передаваемыя, подтверждаются многими писателями и между прочимъ „Исторіей войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ“ Дубровина.

мыхи, Бистины, всё были съ давнихъ поръ полу-язычники и полу-христиане. Чай, слышали, еще въ кои вѣка апостолы въ Черноморскихъ горахъ Христа проповѣдывали? Ну, и сюда зашла проповѣдь и было много христианъ въ ту пору, когда еще Магометъ и на свѣтъ не родился. А языческія вѣрованія, понятно, возникали вслѣдствіе невѣжества. Вѣдь ни одинъ священникъ, и ни одинъ мулла не могли объяснить дикарямъ такія явленія природы, какъ громъ, молнія, ураганы, силы грозы или землетрясенія. А еще менѣе понимали значеніе такихъ золъ, какъ болѣзни, эпидеміи или сумасшествія, послѣдствія разныхъ нервныхъ страданій. Вотъ все это приписывается горцами злымъ духамъ, которыхъ необходимо умилостивлять... Бывало чего ни посмотришься у этихъ чудаковъ, Боже ты мой! Въ Чечнѣ былъ такой обычай: обрѣзать лошадямъ уши на могилахъ умершихъ; такъ повѣрите-ли? Цѣлые табуны лошадей портили и твердо вѣрили, что этимъ обрядомъ умиротворяютъ души покойниковъ. Были у нихъ, да и теперь вѣрно есть идолы: одинъ какой-то Гушмале, каменный обрубокъ въ Чечнѣ, а другой за Кубанью, богомъ войны прозывается и называютъ его богъ Тлепсъ. Какъ я объ нихъ ни спрашивалъ, но ничего узнать не могъ, кромѣ того, что плохо будетъ тому, кто Гушмале и Тлепсу въ свое время жертвы не прине-

сеть... А что всё эти горцы Христа исповѣдывали ранѣе, чѣмъ Магомета, такъ на это есть множество указаній. Посмотрите! По всему краю то идѣло находятя памятники христіанства: то кресты каменные и желѣзные выкапываютъ, то выроютъ образъ Богоматери или вотъ недавно еще въ Дагестанской трущобѣ, въ лѣсу на горѣ казаки, въ глубокой пещерѣ, нашли кадильницу, да еще и съ ладаномъ... Да неуждно-ли будетъ (продолжалъ рассказывать намъ старый казакъ): моего стараго Чеченца, вотъ, что на хуторѣ у меня за птицей смотреть, — неуждно-ли его распросить? Онъ намъ навѣрное скажетъ, что его пятый отецъ, то есть дѣдъ его прадѣда, не только вѣрилъ въ Иссу, сына Великаго Бога, но даже самъ Его шигенемъ, то есть священникомъ былъ. Теперь конечно они этого не помнятъ и ни за что не захотѣли бы признать, что они одной вѣры съ гьяурами были, — но это несомнѣнно!.. Да вотъ на примѣръ: знаете отчего крѣпость и станица Воздвиженская такъ названа? А потому, что на самомъ мѣстѣ, гдѣ церковь стоитъ, какъ только первые Русскіе оттуда Татарву прогнали, былъ найденъ каменный, большущій крестъ, съ углубленіемъ для образа. Такъ и назвали ее, въ честь воздвиженія святаго креста, — Воздвиженской».

Слушая такія подробности о горцахъ, мы од-

нако-же по немногу перестали внимать ему: между прислугой Войскового старшины стала замѣтной какая-то суета. Со станицы давно уже долеталъ до насъ безпокойный говоръ и шумъ. Теперь же мы увидали, что казаки собираются кучками на дворѣ и, прикрываясь руками отъ яркихъ лучей заходившаго солнца, смотрять внимательно на западъ.

Поглядѣли и мы туда и порадовались, что авось нестерпимый жаръ спадеть: оттуда шла на насъ огромная, черная-пречерная туча. Нашъ хозяинъ со своимъ гостемъ однако радости нашей не раздѣлили. Они молча переглянулись и хозяинъ нашъ быстро пошелъ на встрѣчу бѣжавшему къ нему казаку.

— Ваше благородье! кричалъ тотъ: бѣда! Саранча летить. Видимо-невидимо!..

Всѣ мы вскочили, перетревоженные.

— Саранча! Гдѣ саранча?.. Кто видѣлъ ее? Гдѣ?..

— А вотъ гдѣ! отвѣчалъ нашъ гость и показалъ вдаль, на черную тучу, сплошную массой поднимавшуюся на горизонтѣ, изъ-за станичной церкви и уже закрывшую собою солнце.

— Какъ?.. Эта грозовая страшная туча,—это саранча? Боже праведный, какая тьма!..

Въ эту минуту торжественно загудѣлъ коло-

коль. Всѣ бросились къ воротамъ, на станичную площадь. Оригинальное, вмѣстѣ смѣшное и величественное зрѣлище представилось намъ.

Народъ стекался со всѣхъ сторонъ, съ громкимъ говоромъ, волнуясь и ахая. Нѣсколько чело-вѣкъ влѣзли на церковную колокольню и трезво-нили во всю мочь. Другіе карабкались, какъ бѣлки, на деревья, на высочайшіе тополи, окружавшіе площадь и, вооруженные трещотками, рожками, колокольчиками, бубенчиками, палками, чѣмъ ни попало, — колотили, гремѣли, звонили, кричали, трубили, — однимъ словомъ всевозможными спосо-бами производили шумъ, трескъ и звонъ.

По улицамъ, во дворахъ вездѣ шла таже суе-та. Тазы, мѣдныя кострюли и котлы издавали звуки въ рукахъ дѣтей и женщинъ. На цер-ковную паперть взобрались нѣсколько казачать, поставили лѣстницу, махнули на крышу и оттуда лихо барабанили мелкой дробью въ барабанъ и въ огромный, откуда-то проявившійся, бубень. Тысячи глотокъ кричали, пѣли, свистали. Стонъ, крикъ, стукъ, визгъ, звонъ и гулъ стояли надъ ставицей невообразимые: все это дѣлалось, чтобъ испугать, и прогнать налетавшую вражью тучу.

Она быстро росла, быстро надвигалась, — за-слоняя собою солнце и небо и превращая ясный ве-черъ въ темный сумракъ. Было что-то удиви-

тельно торжественное и грозное въ этомъ молчаливомъ приближеніи несмѣтныхъ полчищъ лютаго врага всѣхъ даровъ земли человѣку, — одной изъ семи страшныхъ язвъ, ниспосылаемыхъ на человечество за его беззаконія.

Еще только передовыя безобразныя насѣкомыя, летѣвшія по низу, натыкались на деревья, на зданія, на людей, путаясь въ нашихъ платьяхъ, въ волосахъ. Когда мы съ отвращеніемъ отмахивались отъ нихъ, они грузно шлепались на землю, гдѣ дѣти и взрослые бросались ожесточенно ихъ давить. А между тѣмъ уже толпы всадниковъ неслись безъ сѣделъ, безъ уздечекъ, на недоуздахъ, какъ попало, за станицу въ томъ направленіи, какъ летѣла саранча. Впереди всѣхъ мы узнали Ивашку Безшабашнаго. Онъ былъ въ полномъ удовольствіи, скакалъ и кричалъ, какъ угорѣлый.

— Буда это они? спросили мы.

— Въ сады, къ тѣмъ полямъ, гдѣ еще скирды стоятъ не свезеными, свое добро крикомъ, да гикомъ оберегать! отвѣчали намъ.

И въ самомъ дѣлѣ: бѣда тому саду или тому полю, гдѣ опустится на ночевку эта язва: къ утру ничего не останется кромѣ обглоданныхъ вѣтвей, да сучьевъ, кромѣ голыхъ, поломанныхъ деревьевъ. По неволѣ всѣ станичные воины, всѣ безшабашные Ивашки-удальцы, опол-

чаются на перелетного врага и стараются подальше отогнать его отъ сосѣднихъ окрестностей.

По мѣрѣ того, какъ туча саранчи приближалась, подымаясь выше надъ горизонтомъ, западъ очищался: все свѣтлѣло и принимало необыкновенно странный, живой горячій отцвѣтъ. Огненно-красный закатъ солнца придалъ всему необычайный видъ. Церковь, золотые кресты, стѣны и крыши домовъ, деревья, земля и двигавшіеся по ней люди, горѣли съ одной стороны, какъ въ багровомъ сіяньи, съ другой утопая въ тѣни отъ черной массы саранчи: все казалось, словно подбитымъ яркой подкладкой. Длинные черныя, особенно рѣзкія, тѣни перерѣзывали площадь, иныя вытягиваясь неподвижно, другія шевелясь, скрещиваясь, перепутываясь на огненномъ фонѣ общей картины. Было что-то зловѣщее, и мрачное въ этомъ удивительномъ зрѣлищѣ, что-то невольное напоминавшее картину страшнаго суда... Но вотъ солнце спряталось; все поблѣднѣло и вмѣстѣ просвѣтлѣло, — потому что облака, изъ тьмы-темъ саранчи отлетали и, проносясь за станицу, очищали ясное, вечернее небо. Еще немного времени прошло, и все успокоилось и замолкло. Народъ расходился, толкуя и уже подсмѣиваясь надъ недавнимъ. Западъ изъ багроваго перешелъ въ алый, потомъ въ золотистый и теперь потухалъ.

Черезъ часъ, когда блѣдныя звѣздочки уже за-
жглись кое гдѣ, а серебристый рожокъ молодого
мѣсяца ясно горѣлъ въ высотѣ, мы слышали,
какъ по площади пронесся лошадиный топотъ,
молодецкѣй свистъ и гиканье. Это возвращался
домой Ивашка со своими товарищами, послѣ бла-
гополучнаго изгнанья саранчи за свои границы.
Бѣдные ребята! Только этотъ врагъ и остался
у нихъ въ умиротворенномъ Кавказскомъ краѣ,
только надъ нимъ и могутъ они потѣшиться и по-
казать свою удаль.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Общій очеркъ Кавказскаго края.	3
II. Грузія и Грузины.	33
III. Обь остальныхъ жителейъ Кавказскаго края. 63	
1. Обь Армянахъ.	63
2. Татары и Горцы.	72
3. О Казакахъ.	93

- 19) О святыхъ Московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ и о Мамаевомъ побойщѣ. Ап. Н. Майкова. Ц. 6 коп.
- 20) Куликовская битва. С. Рождественскаго. Ц. 8 к.
- 21) Иванъ Третій. Ап. Н. Майкова съ карт. Ц. 12 коп.
- 22) Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманствомъ. Книжка первая. Ап. Н. Майкова. Ц. 7 к.
- 23) Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманствомъ. Книжка вторая. Его-же. Ц. 5 к.
- 24) Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманствомъ. Книжка 3-я. Его же. Ц. 7 к.
- 25) О смутномъ времени на Руси. Два чтенія И. И. Петрова. Съ 3 карт. Ц. 20 к.
- 26) Царствованіе Михаила Феодоровича. Съ портретомъ. Ц. 10 к.
- 27) Царствованіе Алексѣя Михайловича. Съ портретомъ. Ц. 10 к.
- 28) О Петрѣ Великомъ. С. Рождественскаго. 3-е изданіе. Съ 3 картинками. Ц. 15 к.
- 29) Петръ Великій по сочиненіямъ А. С. Лушнина. А. Филонова. Ц. 5 к.
- 30) О преемникахъ Петра Великаго (до Екатерины II). Чтеніе И. И. Петрова. Съ 2 портрет. Ц. 12 к.
- 31) Суворовъ. С. Рождественскаго. Съ портретомъ Суворова. Изд. 3-е. Ц. 10 к.
- 32) Александръ I Благословенный. Съ 2 карт. Ц. 8 к.
- 33) Народная война 1812 г. 3 чтенія Состав. Яхонтовъ. Съ 5 картинками. Цѣна 25 коп.
- 34) Разсказы о севастополяхъ. А. Сушонева. Съ картиною. Изд. 3-е. Цѣна 15 к.
- 35) Просвѣтитель Восточной Сибири. Съ портретомъ преосв. Ивнокентія, Митрополита Московскаго Ц. 15 к.
- 36) Русская правда или судъ въ стародавнія времена. Историческая повѣсть В. Лапина, съ карт. Изд. 2-е. Ц. 7 к.
- 37) Историческая повѣсть изъ временъ татарскаго погрома. В. Лапина. Ц. 10 к.
- 38) Кавказъ и Закавказье. Съ картою. В. Желиховской. Ц. 25 к.
- 39) Тарась Бульба. Историческая повѣсть. Н. В. Гоголя. Ц. 5 к.
- 40) Купецъ Иголкинъ и его подвигъ. Съ 1 карт. Ц. 8 к.
- 41) Сказки и пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, крестьянскомъ сынѣ, съ 7-ю рисунками въ текстѣ. Ц. 5 к.
- 42) Чай, откуда онъ идетъ къ намъ и чѣмъ полезенъ. Е. Рейнбота. Съ 2 раскр. картинками. Ц. 8 к.
- 43) Какъ изъ сѣмечка вырастаетъ растение, какъ оно питается, какъ живетъ и чѣмъ полезно человѣку. Кн. В. М. Съ таблицею рисунковъ. Ц. 25 к.
- 44) Бесѣды о здоровьи и о болѣзняхъ. Доктора Перфильева. Ц. 35 к.
- 45) Бесѣды о здоровьи и о болѣзняхъ. Его-же. Книжка вторая. Ц. 20 к.
- 46) Бесѣда о флотѣ. Д. Шишмарева. Съ 5 рис. и краткимъ словаремъ морскихъ выраженій. Ц. 25 к.
- 47) Двѣнадцать мудрыхъ басенъ. Съ портр. Крылова. Изд. 2-е. Ц. 5 к.
- 48) Сборникъ стиховъ. Выпускъ I-й. Изданіе второе. Ц. 6 к.
- 49) Сборникъ стиховъ. Выпускъ II-й. Изд. второе. Ц. 6 коп.
- 50) Сборникъ стиховъ. Выпускъ III-й. Изд. 2-е. Ц. 6 коп.
- 51) М. В. Ломоносовъ. А. Филонова. Съ портретомъ. Изд. 3-е. Ц. 5 к.
- 52) Кольцовъ и его пѣсни. М. Парунова. Съ изображ. памятника Коль-

- пову въ Воронежѣ. Изд. 3-е. Ц. 10 к.
- 53) Архангельскіе китоловы. Повѣсть Сѣтковой (Катенкамъ). Съ 4 карт. въ текстѣ. Изд. 2-е. Ц. 20 к.
- 54) Роковой иладъ. Сѣтковой (Катенкамъ). Съ картинкою. Ц. 15 к.
- 55) Братья. Сѣтковой (Катенкамъ). Съ 4 картинками въ текстѣ. Ц. 5 к.
- 56) Лучшая яесть. Сѣтковой (Катенкамъ) съ 3-мя карт. въ текстѣ. Ц. 5 к.
- 57) Мореходъ Нилитинъ (пересказъ повѣсти Марлинскаго) и двѣ морскія пѣсни, съ 3-мя рис. въ текстѣ. Ц. 5 к.
- 58) Архангельскій край. Съ картою. Ц. 20 к.
- 59) Сназна о Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ. В. А. Жуковскаго. Ц. 10 к.
- 60) Старинъ Нилита и его три дочери. Сѣтковой (Катенкамъ). Съ рисункомъ. Ц. 10 к.
- 61) Листки: «Мининъ и Пожарскій» — съ рисункомъ. «Аленсандръ Невскій» — съ изображеніемъ. «Нирилль и Меводій» — съ изображеніемъ. «Кулибинъ» — съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Гг. иногородные съ требованіями обращаются по почтѣ: къ Предсѣдателю Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ, уг. М. Итальянской и Лиговки, д. Петрова, № 38.

Гг. книгопродавцы пользуются уступкою при покупкѣ книгъ на деньги 30%.

Склады изданій Коммисіи находятся въ С.-Петербургѣ: при Канцеляріи Коммисіи, уг. М. Итальянской и Лиговки, д. Петрова и въ книжныхъ магазинахъ П. В. Луковникова, Фену и К^о и складъ В. А. Березовскаго (Колокольная, № 14). Въ Москвѣ: въ магазинахъ: Общества распространенія полезныхъ книгъ въ Петровскихъ линияхъ «Сотрудникъ школъ» Зальсской, у Арбатскихъ воротъ и Салаевыхъ на Мясницкой.

